

Искусство

Филип Жисе

18+

Филип Жисе

Искусство

«Accent Graphics communications»

2015

Жисе Ф.

Искусство / Ф. Жисе — «Accent Graphics communications», 2015

Желая исполнить обещание, данное умершей жене, Йорис, мужчина преклонного возраста, знакомится с Эриком, парнем-стриптизером, желая обучить того Искусству, искусству познания внутреннего мира женщины посредством познания ее тела... Новая книга от автора романов “Перевоплощение”, “Влечение” и дилогии “Океан”. Откровенно. Честно. Неожиданно. Достаточно ли у вас смелости прочитать этот роман?

© Жисе Ф., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	31
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Филип Жисе

Искусство

Часть 1

Глава 1

– Эй, в сторону! В сторону! Пропустите!

Старик посторонился, пропуская в приоткрытые двери здания тройку молодых парней. Среднего роста, в джинсах и толстовках, набросив на головы капюшоны, ребята прошли внутрь, даже не обратив внимания на старика в синих вельветовых брюках и сером пальто, с задумчивым выражением на лице рассматривавшего здание церкви перед собой.

Старик сунул руки в карманы пальто, ссутулился и сделал еще один шаг назад, убираясь с дороги у парочки рослых парней, двигавших руками и головами в такт ритмам музыки, доносившейся изнутри здания. Из-за угла появились девушки и с улыбками на устах направились к деревянным дверям. Старик задержал взгляд на девушках. Улыбнулся, ощупывая взглядом каждую из них. Невысокие, симпатичные, с распахнутыми то ли от удивления, то ли от предвкушения глазами. Одна в джинсах, кроссовках и короткой курточке, вторая – в обтягивающих тонкие ноги черных брюках, так же в короткой курточке и туфельках на низком каблучке.

Старик проводил девушек взглядом до дверей, смотрел, как они исчезают в полумраке здания, то и дело покачиваясь под музыку, продолжавшую литься сквозь окна и двери на улицу, укрытую темным саваном ночи. Разноцветные лучи прожекторов рыскали по фасаду здания, рисуя линии, круги и восьмерки, задерживались на лицах толпившихся на улице молодых людей и возвращались на стены, помнившие еще то время, когда внутри этого здания царили мир и покой. Старик также помнил то время. Давно это было. Тогда он был молод и часто проходил рядом, слышал звуки органа, доносившиеся изнутри и голос священника, читавшего псалмы пастве.

Но времена изменились, и теперь из этого здания с часами на фронте доносились другие звуки, звуки, присущие современному миру и той безудержной жизни, что поселилась в нем. Церкви больше не было, осталось лишь здание, некогда бывшее церковью и воспоминания. И музыка. Другая музыка. Сегодня в этом красивом здании с арочными окнами находился ночной клуб, один из самых престижных в Амстердаме и самых популярных.

За спиной старика, дырявя светом фар ночную тьму, пронеслась машина. За ней еще одна, наполняя воздух рычанием двигателей, да запахами бензина. Старик даже не обернулся, все смотрел на здание перед собой, притулясь к одному из столбиков на тротуаре.

– Если бы я тебе не пообещал, Мерел ван дер Хост... Если бы я тебе не пообещал... – шептал старик, укрывая глаза рукой от яркого прожекторного луча света, в какой-то миг соскользнувшего со стены здания и упавшего на его стариковскую фигуру. – Я чувствую, что мир не готов к Искусству, Мерел ван дер Хост. Чувствую, но я обещал, поэтому не хочу больше тянуть время. Ты хотела, чтобы мир узнал об Искусстве. Да будет так.

Старик вздохнул, казалось, взгрустнул, но тут расправил согбенные возрастом плечи, окинул еще раз цветущее в ночи разноцветными огнями здание церкви и зашагал к его дверям.

– Как же здесь шумно, – пробормотал старик, рассматривая людей вокруг.

Его взгляд перескакивал с одного лица на другое, замечал отрешенные, точно находящиеся в наркотическом трансе лица, бежал дальше, чтобы в следующий миг выхватить из толпы

грузную фигуру женщины, непонятно каким образом очутившуюся в этом хаосе света, музыки и молодости. На миг старик остановил взгляд на юноше неподалеку. Его руки взмыли вверх, на лице расплылась идиотская улыбка, а тело дергалось под музыку так, словно получало сильные разряды электричества.

Старик отвел взгляд, огляделся. Снова и снова он задавал себе один и тот же вопрос: «Не ошибся ли он, придя сюда?». Он ощущал боль в ушах и ему хотелось уйти отсюда как можно скорее, но он сдерживал себя, надеясь, что пришел сюда не зря.

Старик прижался спиной к стене, стараясь держаться в стороне от беснующейся молодежи, топавшей ногами и дрыгавшей телами, пытаясь попасть в такт музыки.

– Современная молодежь. Современные танцы, – бормотал старик, рассматривая танцующих юношей и девушек. – И что за удовольствие танцевать в одиночестве? Не касаясь рук, кожи, волос партнера. Не вдыхая запаха его тела. Не ощущая дрожь в теле, когда соприкасаешься с его телом своим.

Старик закрыл глаза, погружаясь в омут собственных мыслей и ощущений, воспоминаний, но громкая музыка не давала возможности сосредоточиться. Он открыл глаза, вздохнул.

– Современные танцы, – пробормотал одними губами. – Нет в них того, что заставляет кровь быстрее бежать по телу. Нет в них... страсти. Нет... жизни. Только что-то очень похожее на эпилептическое дергание конечностями.

В дальнем конце помещения старик заметил сцену, залитую ярким светом. На сцене в окружении аппаратуры показывал мастерство диджей. Его руки точно жили собственной жизнью – ястребом устремлялись к кнопкам и клавишам на DJ-контроллере, замирали над вертушкой, атаковали, создавая новый ритм, уносились назад. Одна рука диджея то и дело хваталась за наушник на голове. Иногда ее сменяла другая, а первая возвращалась к пульту.

– Лишь подражание, – старик запрокинул голову. Взгляд его зацепился за балюстраду на втором этаже. И там были люди. Некие бесформенные тени в полумраке помещения. Кто-то стоял неподвижно, как статуя, и рассматривал танцпол внизу, кто-то языком сумасшедшего пламени извивался под музыку.

Старик опустил взгляд, пробежался по толпе и улыбнулся, заметив красивую девушку в короткой юбке и топе, танцевавшую в окружении подруг. Руки девушки извивались над головой. Роскошные волосы разметались по узким плечам, раз за разом взлетая в воздух, когда девушка, следуя внутреннему ритму, опускала голову или, наоборот, вскидывала ее. Полуприкрытые веки девушки говорили о ее сосредоточенности на тех ощущениях, что владели ею в эти минуты. Не отрывая стопы от пола, полусогнув ноги, девушка двигала тазом, заставляя тело, тонкое и стройное, следовать ритму.

Старик почувствовал, как сердце зачастило в груди, рука выскользнула из кармана пальто, поднялась в воздух и устремилась к прекрасной незнакомке, но тут же метнулась назад, когда старик осознал импульсивность своего действия. Смущенная улыбка появилась на его морщинистом лице.

– Ты уже не в том возрасте, Йорис, чтобы пытаться познать ее внутренний мир, – укорил себя старик. – Но она великолепна. Я хотел бы ее увидеть танцующей что-то более... романтическое, интимное. Чувственная девушка, эмоциональная и страстная. Не будь ты девушкой, милая, я хотел бы попробовать обучить тебя Искусству. Но ты девушка, а мне нужен парень. Эх...

Старик облизал сухие губы и расстегнул верхние пуговицы пальто, ощущая жар в груди. Капелька пота скатилась с виска на щеку. Старик смахнул ее рукой и потрепал за концы воротника.

– Жарко. И не скажешь, что на улице март.

Старик поморщил нос, уловив в воздухе сильный запах пота, отступил на шаг в сторону, будто в надежде, что сюда этот запах не доберется. Затем сунул руки в карманы пальто и вновь побежал взглядом по танцующей молодежи.

– Нет. Это не то место, где я смогу найти того, кто мне нужен. Здесь одна молодежь. Неопытная, не умеющая чувствовать, двигаться.словно стадо слонов пришло на дискотеку, – взгляд старика снова зацепился за девушку в топе. – Но ты великолепна, милая, – прошептал он, заметив, как подрагивают ее губы, а на лице застыла маска не иначе как сладострастия. – Я вижу твою внутреннюю красоту, но... но ты не он. Прости.

Тихий вздох вырвался из груди старика, когда он отпустил взглядом девушку, развернулся и, стараясь не зацепить никого плечами, направился к выходу.

Старик плотнее закутался в пальто, опустил плечи и зашагал по дороге прочь от ночного клуба, провожаемый разноцветными огнями прожекторов. С Маркермера¹ налетел ветер, дернул за короткие седые волосы, но старик не обратил на него внимания. Упали первые капли дождя, но и они, казалось, остались незамеченными. Старик двигался по улочке, погруженный в свои мысли. Изредка его одинокую фигуру объезжал какой-нибудь велосипедист, спешивший куда-то в ночи.

– Все же это была плохая идея, Мерел ван дер Хост, – бормотал старик себе под нос, ступая по каменной мостовой. – Современная молодежь далека от каких-либо чувств. Собственный внутренний мир ее интересует намного меньше, чем то, что ей может предложить мир внешний: деньги, развлечения, комфорт. Что уж говорить о внутреннем мире другого человека. Разве может он быть интересен человеку, если ему безинтересен его собственный мир. Современного человека больше интересуют кофе-шопы, наркотики, грибы, проституция... – старик замер в свете дорожного фонаря, ощутив смущение. – Прости меня, Мерел ван дер Хост. Прости, любовь всей моей жизни. Порой я забываю, что у женщины, торгующей своим телом, может быть прекрасный внутренний мир. Кому как не тебе это знать, моя любимая ночная бабочка. Кому как не тебе и... и не мне, – старик улыбнулся, огляделся и зашагал дальше.

В вышине зарокотало. Белая как вата молния полоснула темное небо и растворилась, будто и не было ее. Дождевые капли застучали сильнее по мостовой. В воздухе запахло сыростью.

– Но вспомни себя, Йорис. Разве тебя интересовало другое? Нет, нет и еще раз нет. Пока не встретил тебя, Мерел ван дер Хост. Ты помогла мне измениться, помогла изменить мою жизнь. Но ты это и сама знаешь... – старик провел рукой по голове, взглянул на мокрую руку и сунул в карман пальто. – Вымокну прежде, чем дойду до дома. Но что поделаешь, не надо было забывать зонтик. В таком «мокром» городе, как Амстердам, это непростительная оплошность.

Старик засеменил по дороге. Голова поникла еще ниже. Взгляд что-то высматривал под ногами.

– Ты не родился с Искусством, Йорис. Годы шел к нему. Вспомни свои сомнения. Вспомни свои размышления. Не сразу понял, что и как. Был таким же, как и другие. Благо у тебя появилась Мерел. Ах, моя любимая Мерел ван дер Хост. Знала бы ты, как мне тебя не хватает! Эх... Перестань, – тут же одернул себя старик. – Судьба на то и судьба, что никогда не знаешь наперед, какой поворот окажется для тебя последним. Мерел уже не вернешь, поэтому перестань горевать. Лучше подумай, где тебе найти преемника. Ведь ты же не хочешь, чтобы Мерел смотрела на тебя с небес с осуждением в глазах, – старик запрокинул голову, подставляя лицо каплям дождя, улыбнулся черному небу и вновь вернул взгляд под ноги. – Будь та девушка парнем, – вспомнил он чудесную незнакомку в клубе, – сегодня тебе не пришлось бы мокнуть под дождем. Ничего. Ничего. Быть может, мне все же повезет когда-нибудь, и я

---

¹ Озеро в Нидерландах

встречу молодого человека, для которого Искусство станет новой жизнью, как для меня некогда... Эх, Мерел ван дер Хост, как мне все же тебя не хватает. Как мне не хватает того удивительного мира, в который ты позволяла мне окунаться, как в целительную купель... Уймись, Йорис. Прошлого не вернешь, а нового не начнешь. Слишком сильно тебя держит память о Мерел, да и стар ты уже стал, чтобы думать о женщинах. Смирение – есть лучшая добродетель для старца.

Косые струи дождя застучали старику по спине с упрямством осла, не желающего везти тяжелую повозку. Холодная вода проникла старику за шиворот, заставила дрожь пробежаться по его немощному телу.

– Нет, Йорис. Это не дело. Ты же не растение, которому вода – божья благодать. Надо бы где-то переждать непогоду, – старик схватил себя за воротник, прижимая его к шее и тем самым препятствуя попаданию воды за шиворот, и засеменил по мостовой.

Слева потянулись красные окна с живыми игрушками за стеклом, ночными бабочками, выглядывавшими клиентов. Кому-кому, а им стоило бы расстроиться из-за погоды, разогнавшей потенциальных клиентов по кофе-шопам. Улица была пуста. И лишь одинокая фигура старика, идущего быстрым шагом по дороге в столь поздний час, могла привлечь их внимание, пробудить удивление, но будила лишь легкое любопытство. Безмолвные лица поворачивались к старику, в подкрашенных глазах на долю секунды вспыхивал огонек надежды, но тут же гас, взгляд устремлялся дальше по мокрой мостовой в поисках более интересного клиента.

Справа мигнула неоновая вывеска. Дождевая стена перед глазами не утаила от старика надписи на вывеске: «Голубая кровь». Старик не медлил, завернул в сторону, спасаясь от надоедливых дождевых капель, и скрылся в полумраке заведения.

Уже внутри старик понял, что оказался в ночном клубе. Приглушенный свет в помещении расслаблял, заставлял забыть о непогоде на улице. Негромко играла музыка, совсем не тот скоростной дурдом, что он слышал не более как час назад. Спокойная, с легкой примесью романтики, она жила в воздухе, ласкала слух, успокаивала сердце.

Старик снял мокрое пальто и отдал в гардероб, прошел внутрь заведения и очутился в небольшом зале с танцевальной площадкой и маленькой сценой. На короткий миг он задержался у входа, заметив, как на него устремились взгляды присутствующих. Поразительно, но ни одной женщины среди посетителей клуба старик не заметил. Мужчины и только мужчины. Они сидели у барной стойки и разговаривали с барменом, танцевали, взявшись за руки на танцевальной площадке, или сидели на маленьких диванчиках в полумраке помещения, потягивая коктейли и поглаживая ладони друг другу. Старик не удивился, осознав, что оказался в гей-клубе. Не все ли равно, где прятаться от дождя. Здесь было тепло и уютно. Немного необычно для истинного гетеросексуала, но вполне приемлемо для жителя Амстердама, города свободной любви.

Старик прошел к барной стойке, заказал стакан яблочного сока и устроился на стуле за маленьким столиком недалеко от сцены. Заметил несколько заинтересованных взглядов, обращенных в его сторону, но не обратил на них внимания. Внутренний мир мужчины его всегда интересовал мало в отличие от внутреннего мира женщины.

Пока пил сок, блуждал взглядом по помещению. Светильники на стенах, небольшие картины. Недалеко от сцены шест на помосте. Несколько геев перебрались с диванов и стульев на танцпол и теперь виляли бедрами друг напротив друга. Еще одна парочка танцевала в обнимку, не заботясь о том, что их медленный танец не соответствует ритму играющей музыки.

Старик вытер губы салфеткой и отодвинул пустой стакан в сторону. Устремил взгляд к выходу, словно интересуясь, закончился ли дождь. Взгляд уперся в закрытую дверь, ведущую на улицу. Но тут дверь распахнулась, и в помещение вошли двое мужчин в мокрых куртках.

Старик отвернулся, подумывая, не взять ли себе еще стакан сока. Иногда он любил выпить и что-то покрепче яблочного сока: пиво или даже ром – любил кубинский, но чаще пил жenever².

Вновь вспомнил о ней. Мерел ван дер Хост. Она перевернула его жизнь, изменила сознание, увлекла и закружила в нескончаемом танце любви. Больше чем любви. Ураган страсти, мудрой и чувственной, наделившей его тем, о чем он и мечтать не смел – способностью видеть внутренний мир женщины, ее душу, нежную, чувственную и чувствующую, ранимую. Именно с тех пор как он встретил Мерел, судьба повела его в другом направлении и... о, боже!.. Как же он был счастлив, что это произошло именно с ним, а не с кем-нибудь другим. Желающих могло быть много, очень много и... и еще больше было бы после этого разбитых женских сердец. Да. Так могло быть, если бы Мерел ван дер Хост не обратила именно на него взгляд своих больших, чуть раскосых красивых глаз. Обратила и будто в плен взяла. С тех пор у него не было другой женщины, как и не было желания иметь другую женщину, хотя, что говорить, мог бы иметь их десятками. Нет! Сотнями и даже тысячами. Искусство могло ему это обеспечить, но... но он, и правда, находился в плену, в плену того удивительного и захватывающего мира, что жил и цвел в груди его любимой Мерел ван дер Хост. Искусство не только наделило его способностью видеть и чувствовать, но и стало своеобразной ловушкой, капканом, выбраться из которого он так и не смог. Впрочем, он к этому и не стремился, так прекрасен был внутренний мир Мерел ван дер Хост, державший его крепче деревянных колодок на ногах галерного раба.

Старик закрыл глаза, потянул носом терпкий запах прошлого, улыбнулся. Если бы настоящее было хоть чуточку длиннее, тогда бы, быть может, сейчас ему не приходилось коротать дни в одиночестве. Он бы и дальше наслаждался улыбкой Мерел ван дер Хост, теплом ее взгляда и трепетом души. И неважно, что со временем тело ее состарилось, кожа стала дряблой и покрылась бесконечной сетью морщин. Неважно, ибо спустя годы совместной жизни, спустя множество ночей, проведенных в объятиях друг друга, уделяя бесконечные часы Искусству, он научился видеть больше, чувствовать глубже. Благодаря этому, он стал заложником не женского тела, как часто происходит с мужчинами, а женской души. Человеческому телу свойственно с годами терять красоту, увядать, как листьям на деревьях с приходом осени. Он знал это не только потому, что видел, как вянет некогда божественное тело Мерел ван дер Хост. Он и сам старел. Видел, что старость оставляет след не только на волосах. Но вот человеческая душа, особенно женская ее половинка, наоборот, только расцветает, благоухает из года в год волшебными красками изящности и чувствительности. Он знал это, ибо не только видел, но и чувствовал.

Старик настолько увяз в водовороте собственных мыслей, что не заметил, как танцевальная площадка опустела. Свет, который и так был в помещении редким гостем, окончательно померк, испуганной газелью устремился к сцене, в эти минуты превращавшуюся в маленькую сверхновую. Лишь тусклый свет светильников на стенах не давал остальным частям помещения погрузиться в кромешную тьму. Музыка стихла, точно взяла передышку. Тихий шелест разговоров то и дело тревожил нарождавшуюся тишину, пока не угас, стоило музыке вернуться.

Старик провел ладонью по гладкой деревянной поверхности столешницы с таким трепетом в сердце, словно это было женское тело, никак не желал прощаться с посетившими его в который раз воспоминаниями, такими теплыми, такими... болезненными. Прошлое не знает пощады, ненасытное, всегда голодное, в любой миг готовое отобрать у настоящего и те крохи, что у него имеются. Никак не желает мириться с человеческими желаниями, такими хрупкими, такими кратковременными.

---

² Популярный в Нидерландах крепкий алкогольный напиток

Восторженные крики и свист заставили старика вспомнить о настоящем. Оторвал взгляд от пола и устремил его к сцене. Под музыку в стиле рэп на сцене танцевал стриптизер. Это был юноша среднего роста, с неплохой фигурой, короткой стрижкой и миловидными чертами лица. Оранжевая рубашка с коротким рукавом лежала на сцене, рядом валялись брюки. Очки от солнца скрывали глаза парня от публики. Кожанные перчатки и стринги – единственное, что осталось из одежды на стриптизере. За первым стриптизером последовал второй, с другим номером. За вторым третий. Ковбой, мафиози, полицейский, ловелас. Один образ сменялся другим. Старик смотрел на сцену, приподняв бровь и поджав губы. Происходившее на сцене его не трогало, и не потому, что его больше привлекали женские тела. Не было в выступлениях стриптизеров того, что могло зацепить изощренную стариковскую душу. Пластика танцоров большей частью была очень даже хорошей. Мускулистые тела могли заставить биться быстрее не одно женское сердце. Кто-то из стриптизеров даже пытался показать страсть, но все эти танцы в целом выглядели не более чем желание побыстрее отработать номер и удалиться со сцены. Была игра, но не было чувств. Жалкая пародия на то, что способно зажечь огонь желания в груди зрителя. Хотя многим зрителям выступления стриптизеров нравились, о чем говорили периодические выкрикивания и посвистывания. Кто бы мог подумать, но, глядя на стриптизеров, старик ощущал к ним не что иное как жалость. Для обычного зрителя, мужчины или женщины, их выступления могли быть встречены даже овациями, но для старика, умевшего видеть то, что сокрыто от взглядов других, выступления стриптизеров навевали скуку. Для него в них не было ни грамма искренности. Ребята умели танцевать и, стоило признать, неплохо это делали, но стоило признать и то, что они не умели чувствовать, не были способны разжечь огонь не то что в чужих сердцах, но и в своем собственном.

Старик отвернулся от сцены и положил ладонь на столешницу. Медленно сжал ее в кулак. Пока сжимал, вел кончиками пальцем по поверхности столешницы. Совсем не то, что касаться женского тела. Старик вспомнил о танцевавшей в ночном клубе девушке, ее чувственном лице, отражавшем перипетии ее души. Смотреть на танец мужчины, подобно касанию поверхности стола – никаких приятных ощущений при этом не возникает. Не то что танец женщины, особенно такой, как та девушка. Видеть чувственную женщину в танце, как и касаться ладонью ее кожи – мало с чем сравнимое удовольствие. Старик знал это, так как не раз видел в танце Мерел ван дер Хост, не раз держал в объятиях ее чуткое тело. Она была одной из немногих истинно чувственных женщин. Неудивительно, что старик еще тогда навсегда был покорен тонким очарованием ее внутреннего мира.

Тишина, возникшая в помещении в следующие минуты, привлекла внимание старика. Относительная тишина, так как музыка продолжала тревожить помещение. Исчезли голоса, крики, свист, как будто все живое покинуло этот мир, оставив лишь музыку, как память о себе. Плавно текла она по темному помещению, пробуждая к жизни сердца. По крайней мере, одно сердце она действительно заставила биться быстрее.

Старик скользнул взглядом по столешнице, зацепился за пустой стакан, на миг замер, поднял глаза и посмотрел на сцену. Выражение на лице приняло задумчивый вид. Что-то в танце нового стриптизера заставило старика забыть о прошлом и сосредоточиться на настоящем. Он сощурил глаза, словно пытался лучше разглядеть человека на сцене. Молодой парень, довольно симпатичный, с копной каштановых волос на голове и фигурой молодого бога.

– Вот, – шепнул старик. – Вот тот, кто мне нужен.

Старик привстал, но тут же уселся на стул снова. В груди защемило. На лбу проступила испарина. Старик потянулся рукой за стаканом, но только взяв его в руки, вспомнил, что тот пуст как брюхо нищего. Вернул на столешницу. Взгляд безотрывно следил за парнем на сцене. Правильные, но чуть жестковатые черты лица, волосы длиной по плечи, высокий, на вид не старше тридцати. Но не это заинтересовало старика. Не достоинства фигуры. Не черты лица. Не рост. Взгляд и эмоции на лице. Эмоции, которым старик готов был верить, даже не зная

этого человека. Не удивительно, что старик снова вспомнил о девушке из ночного клуба. Похожие эмоции и чувства он видел и на ее лице, в ее глазах. Не было игры, не было имитации, но была жизнь – искренняя, открытая, чувственная.

На миг старик засомневался, может ли мужчина обладать такими чувственностью и чувствительностью. В наличии их у женщины он бы ни минуты не сомневался, но у мужчины... Мужчина и чувства – это действительно было чем-то новым, необычным, особенно в мире, где проявление чувств мужчиной осуждается, так как считается слабостью. Но этот парень на сцене нисколько не стыдился своей «слабости», наоборот, ее было много, возможно, даже больше чем требовалось. Для стороннего зрителя, но только не для старика, который в эти минуты выступления стриптизера пытался сравнить его с собой, правда, сорокалетней давности. Тогда он еще был молод, но тоже был нетипичным мужчиной, хотя и скрывал свою нетипичность за маской бесстрастности. Таился, не желая быть осуждаемым другими, обвиненным в слабости. Только вот Мерел ван дер Хост смогла увидеть за этой маской его истинную душу. Старик часто вспоминал об их первом сексе. По всей видимости, именно тогда это и случилось. Как давно это было. Он тогда пришел к ней, влекомый лишь одним желанием. И она удовлетворила его. Он приходил снова и снова, пока не остался с ней навсегда. Мерел потом ему часто говорила, что увидела в нем нечто большее, чем самца, желающего унять сексуальный голод. В глазах других мужчин, которые к ней приходили, она видела лишь похоть, в его же глазах увидела чувственность. Да, да. Именно ее. Качество, всегда считавшееся женским. Он не верил. И не мог поверить, ведь он был мужчиной, существом, для которого признать наличие у себя чувств, означало признать свою слабость. Этот парень перед ним на сцене, успевший уже снять с себя кожаную жилетку-безрукавку, так же, как и он когда-то, будет отрицать наличие у себя чувственности. По всей видимости, он даже не подозревает о ее существовании, не осознает ее. Но старик видел ее. В его движениях. В его взгляде. В эмоциях, проскальзывавших на лице раз за разом.

Кожаные штаны танцора упали на пол недалеко от жилетки, но старик, казалось, и этого не заметил. Его ищущий взгляд блуждал по лицу парня, замечал то, на что другой вряд ли обратил бы внимание: дрожание губ, расширение крыльев носа при новом втягивании воздуха, блеск в глазах, жестикуляция. Для кого-то это были ничем не примечательные проявления жизнедеятельности организма молодого человека, для старика – говорившие о многом проявления его внутреннего мира. Глядя на полуобнаженного стриптизера, старик пытался понять, достаточно ли этот молодой человек чувствителен? Сможет ли совладать с инстинктами и уделить достаточное внимание Искусству? Ответы на эти вопросы старик не знал, как и не знал ответ на главный вопрос: захочет ли этот молодой человек иметь дело с Искусством?

– Я вижу, вам понравился Эрик.

Старик вздрогнул, поднял голову и увидел юношу. Тот стоял рядом со столиком, за которым сидел старик, сунув одну руку в карман своих черных зауженных чиносов. Джемпер с V-образным вырезом и серые мокасины дополняли наряд. На ушах молодого человека старик заметил каффы в виде маленьких лягушек.

– Могу я присесть? – юноша улыбнулся и кивнул на свободный стул возле старика.

– Конечно. Здесь не занято.

Похожие на женские черты лица юноши дрогнули, когда его тонкие губы вновь поползли в стороны.

– Спасибо, – юноша опустился на стул, положил руки на столешницу и посмотрел в сторону сцены. – Я за вами давно наблюдаю. Сюда такие как вы, такие... пожилые, извините, не приходят, – юноша посмотрел на старика. – Вы первый... Вам понравился Эрик? – юноша кивнул на сцену, где Эрик танцевал уже в одних стрингах. – Он классный, правда?

– В нем есть что-то, необычное, – согласился старик.

– Мне тоже так кажется. Он не такой как другие стриптизеры. Он даже танцует иначе. Без похоти, красиво. В нем что-то есть от женщины.

– У него есть чувства.

– Вот-вот, – обрадовался юноша и придвинул стул ближе к старику. – Я тоже так думаю... Извините. Я не представился. Я Виллем, – юноша протянул руку старику.

Старик взял протянутую руку в свою, пожал слегка.

– Йорис.

– Мне нравится ваше имя, Йорис. И вы мне нравитесь, – Виллем улыбнулся и бросил взгляд на сцену. – Вы так заинтересованно смотрели на Эрика, что я подумал, что вы хотели бы с ним познакомиться, – взгляд юноши устремился к старику. – Если хотите, я могу пригласить его за этот столик. Только необходимо дождаться окончания выступления.

– Я был бы не против познакомиться с Эриком, – признался старик, продолжая наблюдать за движениями молодого человека на сцене, выражением его лица и чувствуя, что обязательно должен познакомиться с ним.

– Здорово. Только я хотел бы вас предупредить, Йорис, что Эрик... О, он закончил выступление, – Виллем заметил, как Эрик подхватил вещи, разбросанные по сцене, и скрылся за кулисами. – Пойду, приведу его. Только вы никуда не уходите. Ждите здесь. Мы быстро.

Виллем поднялся и быстрыми шагами направился за кулисы сцены. Старик проводил его взглядом, попутно заметив, что свет в помещении усилился, а из динамиков понеслась музыка. Несколько парочек геев поднялись со своих мест и двинулись к танцевальной площадке. Какое-то время старик наблюдал за ними, но, заметив, как двое геев слились губами, отвернулся и побежал взглядом по стенам. Что-то, а вид целующихся мужчин вызывал у него неприятие. Для него это было чем-то неестественным, чем-то, что нарушало законы природы. И нарушение это происходило именно тогда, когда проявлялась интимная сторона отношений. Целовать женщину, обнимать ее, ласкать ее тело. Что может быть прекраснее для мужчины? Ничего. И, конечно же, не целовать другого мужчину.

Старик ощутил сухость во рту, поднялся из-за стола, подхватил пустой стакан и направился к барной стойке. Бармен наполнил ему стакан соком, и старик вернулся за столик. Пока пил, блуждал взглядом по столешнице. Даже не заметил, как к столику приблизились Виллем и Эрик.

– Йорис, а вот и мы, – Виллем опустился на стул рядом со стариком и указал на Эрика, успевшего расположиться напротив старика. – Это Эрик.

Старик протянул руку и поздоровался. На миг задержал руку Эрика в своей руке, взглядом встретился с его взглядом. Зацепился за него, словно в надежде заглянуть в потаенные уголки души молодого человека. Тот смутился, тряхнул головой, будто пытаясь сбросить с себя взгляд старика, нахмурился, излишне поспешно забрал руку, едва не опрокинув стариковский стакан с остатками сока.

– Виллем говорил, что я заинтересовал вас своим выступлением, – Эрик кивнул в сторону окутанной полумраком сцены. – Скажу сразу, чтобы прояснить ситуацию. Приватный танец возможен, но есть одно но. Перед мужчинами я не танцую. Этот клуб исключение – друг попросил. И еще. Если я танцую в гей-клубе, это не значит, что я гей. Я – не гей, поэтому никаких предложений встретиться где-нибудь в укромном месте.

– Нет! Нет! Что вы! – старик поднял руки над столом. – Меня не интересует приватный танец и я... – старик улыбнулся, – я тоже не гей.

– Что же вы тогда здесь делаете? – Виллем воззрился на старика с таким видом, словно тот признался в совершении преступления.

– Прячусь от дождя, – расплылся в улыбке старик.

– Вот оно что. А я думал, вы гей, – что-то похожее на разочарование появилось на лице Виллема.

– Вили, да не расстраивайся ты так, – осклабился Эрик. – Не повезло сейчас, повезет в другой раз.

– Эй! А не пошел бы ты! Я что здесь, по-твоему, себе любовника ищу? Если бы и искал, то обратил бы взор на кого-нибудь помоложе. Я не любитель антиквариата... Извините, – взгляд Виллема метнулся к старику. – Я не со злости... Пойду, закажу себе чего-нибудь.

Виллем поднялся, сунул руку в карман штанов, второй провел по волосам и направился к барной стойке.

– Вы не обращайтесь на него внимания, – сказал Эрик, взглянув на старика. – У него детская травма. Рано лишился отца, которого очень любил. Жил с отчимом... Так что вам от меня нужно? – Эрик откинулся на спинку стула и закинул ногу на ногу.

Старик не сразу ответил, долгую минуту думал, что сказать. Наконец, отпил из стакана и произнес:

– У меня к вам предложение.

– Предложение? Что за предложение? – в голосе Эрика слышалось нетерпение. Рука скользнула вверх и отбросила длинную челку в сторону.

– Даже не знаю, с чего начать.

– Говорите как есть. Сколько я заработаю, если соглашусь на ваше предложение?

– Сколько заработаете? – старик на миг растерялся. – Боюсь, нисколько.

– Тогда ваше предложение мне вряд ли будет интересно.

– Пойдите, – старик поднял руку. – То, что я хочу вам предложить, Эрик, способно изменить вашу жизнь.

– Если это не деньги, то не думаю, что то, что вы хотите мне предложить, способно хоть как-то повлиять на мою жизнь, – Эрик сунул палец в рот, ковырнул ногтем передний зуб.

– Я могу предложить вам кое-что получше денег. Искусство.

– Искусство? – Эрик скривился, будто проглотил рыбий жир. – Я далек от какого-либо искусства. Никогда не интересовался картинами, художниками. Разве что танцами, эротическими, – ухмылка скользнула на лицо молодого человека.

– Нет, нет, – старик улыбнулся. – Я говорю о другом Искусстве, об Искусстве, которое позволит вам обрести... власть над женщиной.

При последних словах старика лицо Эрика посерьезнело, взгляд молнией метнулся к собеседнику. Долгую минуту он смотрел на него, не произнося ни слова. Внезапно губы Эрика растянулись в улыбке. Глаза повеселели. Смех, чуть хрипловатый, но искренний, заполнил помещение.

Старик наблюдал за реакцией Эрика на свои слова с легкой полуулыбкой на устах, взгляд рассматривал руки молодого человека, пробежался по рубашке в клеточку, переместился на лицо. Легкая небритость была к лицу Эрику, делала его мужественнее и, безусловно, сексуальнее в глазах противоположного пола... Впрочем, не только. Старик время от времени перехватывал взгляды мужчин в зале, обращенные на Эрика. Заинтересованность. Желание. Влечение. Эрик мог бы иметь популярность среди геев, если бы был геем, но, по его же словам, он предпочитал женщин, что не могло не радовать старика.

– Намекаете на садомазо? Неинтересно. Я не любитель плеток, кожи, доминирования. Хотя мне, конечно же, нравится доминировать над женщиной в сексе. Да и какому нормальному мужчине это не нравится? Но без извращений. Мне больше нравится... – Эрик поместил ладонь себе между ног, сжал пенис на краткий миг. – Думаю, вы меня понимаете, – самодовольная улыбка заиграла на устах молодого человека.

– Понимаю, – кивнул старик. – Садомазо я вам не предлагаю. Назвать это искусством у меня язык не повернулся бы. Я вам предлагаю совершенно иное. То, что заставит женщину броситься в ваши объятия просто потому, что иначе она не сможет поступить. То, что я могу

вам предложить, сделает ее наркоманом, но... но наркотиком будете вы, Эрик. Я подарю вам то, что заставит сердце женщины биться во сто крат сильнее уже из-за того, что она видит вас.

Старик замолчал, наполнил грудь воздухом и удобнее умастился на стуле. Взгляд отпустил Эрика и побежал по задрапированным красной тканью стенам клуба. Где-то слышался смех, разговоры, музыка, но старик, казалось, растворился в собственном водовороте мыслей. Как сказать обычному человеку об Искусстве? Как сказать о том, что он просто не способен понять, по крайней мере, сейчас, в настоящем?

– Вы думаете, у меня проблемы с женщинами? – Эрик ухмыльнулся. – Ошибаетесь. Посмотрите на меня. Я не урод, и фигура ничего. Вы думаете, женщины на меня не западают?

Старик вздохнул. Ослиного упрямства его собеседнику было не занимать.

– С женщинами у меня и так все отлично, – продолжил Эрик, улыбнулся и махнул кому-то рукой за спину старику. – Встретились, занялись сексом. Всем хорошо. Все довольны.

– Вы упрямы, Эрик. Осли и того было бы легче переубедить. Вы говорите мне о сексе, обычном животном спаривании, а я вам пытаюсь сказать об Искусстве, об отношениях между мужчиной и женщиной, которым способны позавидовать небеса, где два сердца становятся одним, а женщина не просто самка, желающая чтобы ее хорошенько трахнули – простите за это слово, я не любитель вульгарностей – а женщина, существо, в первую очередь, стремящееся получить душевное единение с партнером, и для которой секс – это способ достичь этого единения... Поступайте, как знаете, Эрик, – старик поднялся из-за стола. – Я не хочу вас убеждать. Впервые увидев вас, я подумал... даже почувствовал, что вы именно тот, кто мне нужен. Человек, который станет мне достойной заменой или, быть может, даже превзойдет меня в познании женщины, но, видать, я ошибся, вы мало чем отличаетесь от других мужчин, самцовости в вас, обычных животных инстинктов более чем хотелось бы видеть. Простите, больше не смею отнимать у вас время... Пойду. Дождь, надеюсь, уже закончился.

Старик закончил тираду, развернулся и направился прочь от столика к гардеробу.

– Подождите! – остановил его окрик Эрика.

Старик обернулся. Эрик махнул ему рукой, приглашая вернуться за стол.

– Хорошо. Я готов попробовать ваше Искусство, – сказал юноша, когда старик опустился на стул. – Лишний способ охмурить женщину мне не помешает.

Старик улыбнулся.

«Ты даже не представляешь, мой друг, чем это может для тебя обернуться, – подумал. – Даже не представляешь. Женщина станет твоим пленником, но и ты станешь заложником ее внутреннего мира. Но, тем не менее, в выигрыше окажись вы оба».

– Но это точно не потребует от меня никаких денежных вложений? – услышал старик голос Эрика.

– Никаких. Об этом вам не стоит беспокоиться. Любые материальные траты – моя забота.

– Если так, тогда по рукам, – Эрик улыбнулся и протянул старику руку.

– По рукам, – старик улыбнулся в ответ и пожал руку Эрика.

Глава 2

Йорис посмотрел на часы. Маленькая стрелка замерла на десятке, большая начала новый круг по циферблату. Старик вздохнул и прикрыл часы рукавом пальто. Вчера они с Эриком договорились встретиться на Принсенграхт³, ровно в десять утра, но, как оказалось, пунктуальность не входила в арсенал добродетелей Эрика.

– Нужно было хотя бы номер его мобильного телефона записать, – пробормотал старик, разглядывая тихую, чуть рябевшую от налетавшего ветра поверхность канала перед собой.

Рука Йориса соскользнула с металлического ограждения, скользнула под пальто и достала из кармана мобильник. Но старик даже не обратил на него свой взгляд, сунул назад в карман и вновь ухватился за ограждение. Справа слышались голоса. Йорис повернул голову и увидел двух велосипедистов. Те спешили с велосипедов, прислонили их к ограждению неподалеку и поспешили через дорогу к четырехэтажному зданию, на первом этаже которого размещался кофе-шоп.

Издавая тихое кряхтение, по каналу прополз катер. Старик проводил его взглядом, отвернулся и бросил взгляд на небо. Заметил серое одеяло, укрывшее небо, поежился, точно от налетевшего холодного ветра. Рука метнулась к вороту пальто, чтобы поднять воротник. В вышине зарокотало.

Йорис посмотрел по сторонам.

– И где же тебя носит, Эрик? – взгляд устремился к часам на руке. – Пятнадцать минут одиннадцатого... Подожду еще немного. Может, объявится.

Йорис заметил лавочки через дорогу, прямо у входа в кафе-шоп, в котором некоторое время назад скрылись велосипедисты. Старик бросил взгляд влево, вправо – нет ли машин, затем сунул руки в карманы пальто и направился через дорогу. Опустился на одну из лавочек, вытянул ноги и побежал взглядом по серому небу. Уха достиг звук мотора, но Йорис, задумавшись, не обратил на него внимания. Только когда звук послышался совсем рядом, он отвлекся от созерцания собственных мыслей, опустил голову и увидел, как рядом остановился мотоцикл. Мотоциклист, одетый в кожаную куртку, джинсы и кроссовки, поднес руки к голове, ухватился за мотоциклетный шлем и потянул вверх.

– Эрик! – воскликнул Йорис, увидев знакомое лицо.

– Йорис, – Эрик повесил шлем на руль, спешил с мотоцикла и опустился рядом со стариком на лавочку, зевнул. – Доброе утро. Давно ждете?.. Я тут, немного не выспался. Вчера после нашей встречи поехал к друзьям. Домой вернулся поздно... Кстати, я тут подумал немного о вашем Искусстве. Я думаю, это не для меня. Никак не могу понять, зачем мне это. С женщинами проблем у меня и так никаких нет. Вы говорили о каком-то внутреннем мире. Знаете, никогда не любил философию, копание в недрах себя и тем более в недрах другого. Это навеивает скуку, а скучать я ненавижу. В общем, я тут решил – ничего у меня не получится с вашим Искусством.

– Ты готов отказаться от Искусства, даже не узнав, что это? – Йорис оперся спиной о стену здания кафе и повернул голову к собеседнику.

– Конечно, – Эрик пожал плечами. – Мне достаточно того, что вы мне о нем рассказали. Мне уже тошно становится от одной мысли о внутреннем мире. Я же говорил, не люблю философию.

Йорис улыбнулся и побежал взглядом по окрестностям: канал по левую сторону с многочисленными лодками, посаженными на цепи, точно собаки; деревья по берегам канала; люди, спешившие по своим делам по ту сторону канала, кто на велосипеде, кто на машине, а кто и

---

³ Один из основных каналов Амстердама

пешком. На миг из-за туч выглянуло солнце, выглянуло и тут же спряталось, будто напуганное живостью поднебесного мира.

Йорис вытащил руки из карманов пальто, устроился удобнее на лавочке. Взглянул на Эрика. Неужели он в нем ошибся? Разве умения чувствовать достаточно для того, чтобы постичь Искусство? Разве желание его постичь не менее важно? По всей видимости, у Эрика такого желания не было. Но, быть может, он просто испугался привнести в свою жизнь что-то новое и все эти разговоры о нелюбви к философии не более чем желание избежать нового?

Внимание Йориса привлек красный «опель», выскочивший из-за поворота. Машина приблизилась, свернула на улицу, где находился кафе-шоп, рядом с которым сидели Йорис с Эриком, и остановилась напротив, у входа в здание банка. За рулем машины Йорис заметил девушку, симпатичную, длинноволосую, с правильным овалом лица. Миг спустя девушка выбралась из авто, огляделась, достала из салона сумочку.

– Эрик, ты видишь ту девушку? – Йорис кивнул в сторону «опеля». – Она тебе нравится?

Эрик отвлекся от созерцания собственных кроссовок и посмотрел в указанном направлении. Какое-то время рассматривал девушку. Не без интереса, как заметил старик.

– Она хорошенькая, – на губах Эрика появилась похотливая полуулыбка. – Мне нравится ее личико, фигурка. У нее классная попка. Посмотрите, какая упругая. Так и хочется... – Эрик умолк, уцепившись взглядом за ягодицы девушки. Та успела хлопнуть дверцей машины, и теперь направлялась к входной двери банка. Старик улыбнулся, рассматривая девушку со спины. Курточка, облегающие ягодицы джинсы, полуботиночки на невысоком каблуке. Старик понимал Эрика. Чувствовал, как внутри пробуждается что-то дикое, что-то, что появилось в этом мире задолго до его рождения, что-то, что заставляет одного бросаться в объятия другого, да с такой силой, словно в последний раз.

Йорис повел носом, точно принюхиваясь. Он любил это чувство. Несведущий назвал бы его обычной животной похотью. Он же называл его страстью, ибо знал, что в основе похоти лежат инстинкты, а в основе страсти – чувства. Рука дернулась в сторону девушки. На краткий миг старику захотелось почувствовать внутренний мир этой симпатичной незнакомки, но тут же умирил желание – он уже не в том возрасте, чтобы наслаждаться внутренним миром женщины, да и память о несравненной Мерел ван дер Хост была свежа, память о том удивительном внутреннем мире, который она открыла ему, тем самым навсегда сделав его своим заложником.

Йорис проводил девушку взглядом, дождался, пока та скроется в здании банка и произнес:

– Что тебе хочется, Эрик? Ты не договорил.

– Трахнуть ее, – Эрик осклабился. – У нее аппетитная попка. Так бы и... – Эрик умолк, бросил взгляд на закрытые двери банка, отвернулся и побежал взглядом по дороге, скользившей вдоль канала.

– Ты смотришь на эту девушку, как самец смотрит на самку, испытывая только одно желание – спариться с ней. Ты хочешь, как ты говоришь, трахнуть ее и, по большому счету, забыть. Тебя не интересует, что эта девушка чувствует, что думает. Ты как маленький ребенок, тебя тянет к обертке конфеты больше, чем к ее содержанию. Но я тебя не виню, – Йорис поднял руки в примирительном жесте. – Таковы мы все, мужчины. Такими нас создала природа. Мы – самцы, при виде готовой к спариванию самки теряем рассудок, бежим к ней, высунув язык от вожделения, желая как можно быстрее погрузить пенис в ее лоно.

– Вот-вот, – Эрик хмыкнул и скосил на старика глаз. – Вы правильно сказали. Такими нас создала природа, поэтому это нормально, когда мужчина хочет женщину.

– И я ничего не имею против, – Йорис посмотрела на Эрика, улыбнулся. – Только вот мужчина давно не самец, не животное, а женщина давно не самка. Сегодня женщинам хочется большего, чем банальный секс.

– Секса они хотят не меньше нашего, – заметил Эрик.

– Хотят, но, ты думаешь, в сексе женщина ищет только удовлетворение плотских желаний? Мужчина, по большому счету – да, но женщина... – Йорис откинулся на спинку лавочки, взгляд побежал по серому небу, на лице появилось мечтательное выражение. – Ты мне говорила, Мерел. Говорила, но я тебе не верил, – забормотал старик. – Не верил, пока не увидел, не почувствовал...

– Что вы говорите? – Эрик повернул голову к старику.

– Нет, нет, ничего. Не обращай внимания... Я только говорю о том, что некогда, быть может, мы и были животными. Нас интересовал секс сам по себе, как возможность зачать потомство, продолжить свой род, при этом не забыв, конечно же, получить удовольствие. Но сегодня секс может быть, даже должен быть чем-то большим, чем обычное спаривание самца и самки, банальное удовлетворение похоти.

– Но такими нас создала природа. Вы сами об этом говорили.

– Да, говорил, но это не значит, что мы обязаны быть такими, какими нас создала природа. Сегодня мы можем быть другими и должны быть другими. Быть игрушкой в руках матушки-природы достойно обычного животного, но недостойно того, кого называют венцом творения... Но не будем об этом. Тебе это вряд ли интересно. Ты сам сказал, что тебе не нужно Искусство, поэтому не буду тебя задерживать, – старик улыбнулся, поднялся на ноги. Про себя он давно решил, что никому и никогда не будет навязывать Искусство, ибо знал, что навязывание убивает желание, а без желания деяние – как машина без бензина – мертво.

– Йорис, подождите!

Старик обернулся. Эрик поднялся вслед за ним. Взгляд забежал по мостовой.

– Вы так и не сказали, чего хочет женщина. Любви?

– Нет, не любви. В действительности любовь, как и секс, выдумана природой, чтобы соединить тела для зачатия. Женщина, я подозреваю, что часто она сама этого не понимает, хочет... хочет быть женщиной.

– И это все? – на лице Эрика отобразилось разочарование. – Я думал...

– Она хочет быть женщиной в руках мужчины, женщиной, а не самкой.

Эрик опустился на скамейку. Разочарование на лице сменилось задумчивостью. Минуту-другую он водил взглядом по мостовой, затем поднял голову, посмотрел на старика и произнес:

– Я не понимаю, Йорис. Что вы хотите этим сказать?

– Неважно, Эрик. Совершенно неважно. Для того, чтобы понять, о чем я говорю, необходимо иметь иное восприятие женщины, необходимо из самца превратиться в мужчину. Всего тебе хорошего, Эрик, – Йорис поднял руку в прощальном жесте, развернулся и зашагал прочь от кофе-шопа.

Не успел он пройти и десятка метров, как услышал за спиной топот ног по мостовой.

– Йорис! Godverdomme!⁴ Да подождите вы!

Старик остановился, улыбнулся, поправил шарфик на шее и сунул руки в карманы пальто. Эрик остановился в метре от него, шумно потянул носом воздух.

– Я передумал, – сказал он. – Точнее, я передумаю по поводу Искусства, если вы мне все же скажете, что значит иметь иное восприятие женщины и... и что значит превратиться из самца в мужчину.

Громкий смех Йориса заполнил улицу, спугнул голубей на мостовой, привлек внимание прохожих и велосипедистов.

– Нет, Эрик. Я ничего тебе не скажу, – сказал старик, и тут же добавил. – Ты сам найдешь ответы на свои вопросы, когда познакомишься с Искусством ближе.

– Хорошо, Йорис, – сдался Эрик. – Пусть будет так. Что я должен делать, что познакомиться с вашим Искусством ближе?

---

⁴ Черт возьми! (гол.)

– Пока ничего, мой друг. На сегодня достаточно и того, что ты согласился на это знакомство.

– Это точно необходимо? – спросил Эрик, когда они встретились на следующий день снова.

Эрик нервничал. На скулах играли желваки, руки то устремлялись к карманам джинс, то к карманам куртки, не находя себе места ни там, ни там. Эрик то и дело поглядывал на мотоцикл, едва ли не подпиравший собой стену здания на одной из улиц в квартале Красных фонарей.

– Тебя смущает, что я буду все видеть?

– Да. Я как-то не привык заниматься сексом при эээ... посторонних.

Эрик набрал полную грудь воздуха и тихо выдохнул, про себя подумывая о том, что этот старик явно ненормальный, если предложил ему такое, заняться сексом с проституткой с ним в качестве зрителя.

– Пусть тебя это не смущает, – Йорис улыбнулся. – Я же тебе говорил, что прежде, чем мы двинемся дальше по пути знакомства с Искусством, мне необходимо увидеть тебя в постели с женщиной... И я не старый извращенец с замашками вуайериста, как ты мог подумать. Это действительно необходимо. Зачем? Я объясню тебе это позже. Сейчас просто доверься мне и делай то, о чем я тебя попрошу, конечно, в пределах разумного. Надеюсь, ты не прислушаешься к моему совету прыгнуть в канал с камнем на шее, – улыбка на губах старика стала шире. – Расслабься, мой друг, – Йорис похлопал Эрика по плечу. – Представь, что ты снимаешься в порнофильме.

– Всегда хотел попробовать себя в роли сантехника в порнофильме, – Эрик ухмыльнулся. – Ладно, пусть будет по-вашему, Йорис. Но вы же не будете против, если я... – Эрик запнулся и скосил глаза на старика, – выпью немного женевера, чтобы убрать лишнюю скованность? Черт! Никогда не думал, что мне это может понадобиться.

– Нисколько, Эрик.

Они зашли в ближайшее кафе, где Эрик заказал себе небольшой стаканчик женевера, после чего вновь оказались на улице, наполнили грудь прохладным сырым воздухом и, не спеша, двинули по набережной канала. Редкие путаны в окнах старых домов, кто с журналом в руке, кто с губной помадой и зеркальцем, и они двое – старик и молодой человек, были едва ли не единственными живыми существами на тихой и узкой улочке, льнувшей к берегу канала как младенец к груди матери. Но в этом не было ничего удивительного, так как время было раннее, а жизнь в районе Красных фонарей начиналась ближе к вечеру, когда вспыхивают уличные фонари, загораются неоновые вывески, а из окон на каменную мостовую начинает литься красный свет порока.

– Как тебе эта? – Йорис кивнул на девушку в окне в одном нижнем белье, державшую косметичку в руке. – У нее милое личико. Тебе так не кажется?

Эрик приблизился к окну, желая лучше рассмотреть девушку. Невысокая ростом, курносая, с тонкими губами и чуть полноватой талией. Едва заметив Эрика, девушка отложила косметичку в сторону, улыбнулась и поманила его пальчиком.

– Иди ко мне, милый, – услышал Йорис мягкий голос девушки. – Я подарю тебе такое наслаждение, о котором ты и мечтать не смел.

Йорис заметил, как Эрик ухмыльнулся, окинул девушку взглядом сверху-вниз, на какой-то миг задержал взгляд на ее бюстгальтере, за которым прятались небольшие груди, скользнул по трусикам, отмечая полноту на талии и бедрах.

– Как нибудь в другой раз, дорогая, – Эрик подмигнул девушке, развернулся и направился к Йорису. Путана недовольно повела плечами и вернулась к косметичке, утратив к Эрику какой-либо интерес.

– Слишком толстая, – сказал Эрик старику.

– Толстая? – Йорис, казалось, удивился. – Что ж, тебе виднее. По мне, так очень хорошая девушка с неплохой фигурой.

– Не мой вкус, – Эрик пожал плечами и двинул вверх по улице.

Йорис лишь улыбнулся, по привычке сунул руки в карманы пальто и последовал за Эриком.

Они оставили позади еще несколько домов, в витринах которых, словно игрушки в магазинах, красовались путаны. Эрик рассматривал их на расстоянии, не приближаясь к витрине. Наконец, приняв решение, развернулся и зашагал по улице.

– Идемте, – махнул он рукой Йорису. – Лучшие девушки появляются здесь только ближе к ночи... Я знаю одну путану. Работает здесь неподалеку. В прошлом пользовался ее услугами.

– Не все ли равно, с какой девушкой заниматься сексом? – поинтересовался старик у Эрика, пока они шли по узкой улочке, зажатой с одной стороны разноцветной стеной из домов, с другой – тонкой полоской канала.

– Когда-то, когда был моложе, было все равно. Было неважно, с кем спать, главное – удовлетворить сексуальный голод. Сейчас стал более разборчив.

– Судя по девушке, которую мы видели вчера, тебе нравятся девушки среднего роста, стройные, худощавые, ухоженные, красивые на лицо. Так?

– Верно, – кивнул Эрик, улынувшись. – А еще не люблю девушек с короткими волосами и очень большой грудью, как и тех, у кого небольшая грудь. Глаз радуется, когда есть на что посмотреть.

– Когда есть на что посмотреть, что потрогать, – на лицо старика скользнула мягкая полуулыбка, взгляд устремился к молодому человеку, шагавшему рядом.

– Конечно. Именно так. Когда есть, на что посмотреть и есть, что потрогать... Мы пришли... Нам сегодня везет. Моя знакомая путана сегодня работает, – Эрик устремил взгляд вперед, кивнул на серое здание, расположившееся между двумя белыми. – Что вы скажете об этой девушке? Вон в окне, с журналом в руках.

Йорис посмотрел в указанном направлении. В одном из окон здания заметил девушку, сидевшую на стуле и листавшую со скучающим видом журнал. Длинные светлые волосы девушки волнами ниспадали на ее обнаженные плечи. Высокая, среднего размера грудь выглядывала из-под тонкой полоски красного бюстгалтера. Такого же цвета трусики красовались на бедрах. Правильные черты лица делали девушку не просто симпатичной, а красивой. Да и фигура у нее была на зависть другим: тонкая талия, плоский животик, ни грамма лишнего жира на бедрах. Было заметно, что девушка следила за своей внешностью. Быть может, даже посещала фитнес-центр. Она могла бы быть моделью, если бы не была той, кем была – представительницей древнейшей профессии.

– Скажу, что она довольно-таки красива – и лицом, и фигурой. В такую легко влюбиться, но тяжело забыть. Но я вижу красоту ее внешнего мира и ничего не могу сказать о красоте мира внутреннего. Если он так же красив, как и внешний, то... – Йорис улыбнулся, – ...я советовал бы тебе познать его. Возможно, он понравится тебе настолько, что ты не захочешь променять его ни на один другой. Как я некогда.

– Йорис, вы думаете, у путаны может быть красивым внутренний мир? У женщины, продающей свое тело за деньги? У порочной женщины?

– Конечно, Эрик. Красота внутреннего мира женщины не зависит от того, как она зарабатывает на жизнь. Ты мыслишь общественными предрассудками, мой друг, поэтому для тебя люди делятся на хороших и плохих. Если человек занимается чем-то, что осуждается обществом, значит, он плохой. Если его деятельность соответствует общественным нормам морали, он праведник и обязательно попадет в рай, – Йорис рассмеялся. – Брось, мой друг. Если ты будешь жить чужими ценностями, тебе не суждено узнать о собственных, истинных лично для

тебя. Порочность человеческой природы – не более чем один из критериев, принятых в обществе для деления людей на хороших и плохих. Человек, который занимается сексом за деньги, считается порочным. Тот же, кто это делает только ради удовольствия – не вызывает у общественности каких-либо серьезных нареканий, при условии, что это не афишируется и не пропагандируется. Почему так? Почему быть писателем или ученым хорошо, а быть проституткой или даже вот стриптизером – плохо? Неужели только из-за того, что деятельность связана с сексом? Но ведь это глупо. Глупо осуждать то, что является неотъемлемой частью человеческой жизни. И, тем не менее, секс, несмотря на то, что им занимается каждый, и более того, он причина нашего, человеческого появления на этой планете, негласно, а когда и гласно обществом осуждается. Когда-то я также полагал, что секс – это что-то пагубное, порочное и даже мерзкое, и, тем не менее, продолжал им заниматься. Возможно, потому, что не знал о том, что секс может быть чем-то большим, чем банальным спариванием идущих на поводу у своей похоти самца и самки. В действительности, он и есть нечто большее, но люди не знают об этом, так как большей частью движимы животными инстинктами.

– Никогда не думал, что секс – это больше, чем сунул-высунул и доволен, – Эрик хмыкнул.

– Это действительно больше, чем сунул-высунул, – печальная улыбка появилась на лице старика. – По крайней мере, для человеческих существ, коими мы с тобой являемся... Ладно. Об этом мы поговорим с тобой как-то в другой раз, сейчас же, давай сделаем то, для чего мы сюда пришли. Как зовут твою подругу? – Йорис кивнул на девушку, продолжавшую листать журнал.

– Не знаю, – Эрик пожал плечами. – Вы думаете, я интересуюсь именами путан, с которыми сплю? Нет. У меня как-то не возникает желания знакомиться с ними ближе, водить в рестораны или строить отношения. Поэтому не вижу смысла спрашивать их имена. Встретились, перепихнулись, расстались. Ни имен, ни телефонных номеров. Никаких обязательств, никаких условий. Правда, с этой... – Эрик кивнул на окно... – одним разом не ограничилось. Два раза к ней заходил. Но толком никогда даже не разговаривали. Только «привет», «как дела?». Так проще жить, – Эрик осклабился. – Для меня.

Старик кивнул. Откуда ни возьмись налетел холодный ветер, дернул за полы пальто, потрепал штанину, взъерошил волосы на голове. Вверху зарокотало. Старик запрокинул голову. По небу ползла серая, откормленная точно на убой туча.

– И снова дождь, – пробормотал Йорис, повернул голову к Эрику и сказал:

– Что ж. Тогда пошли познакомимся. Быть может, услугами этой девушки тебе придется воспользоваться неоднократно.

Сопровождаемые гулками раскатами грома, они направились к витрине, где, словно выставленная на продажу, сидела белокурая девушка и листала журнал.

Глава 3

Йорис сидел, притаившись серой мышкой на стуле в углу небольшой комнаты, в доме на одной из улиц в районе Красных фонарей, и наблюдал за тем, что происходило на кровати в нескольких метрах от него. В комнате царил полумрак. Занавешенные шторами окна не пропускали дневной свет, и лишь маленький ночник, горевший на стене над кроватью, не позволял тьме стать здесь полноправной хозяйкой.

Комната была небольшой, но уютной. Напротив старика подпирала белую как снег стену деревянная кровать – широкая, низкая, со спинкой, выполненной в виде арки и изрезанной узорами. Рядом, со стороны окна, стояла тумбочка, на которой старик заметил пустую цветочную вазу. По левую сторону от Йориса прислонился к стене журнальный столик. Парочка стульев, одно из которых занимал старик, и высокий платяной шкаф стояли тут же, на расстоянии не далее двух метров от него. Интерьер комнаты был выполнен в красном цвете: красные плотные шторы на окнах, красные сидухи у стульев, красные подушки на кровати, и даже напольные вазы, что стояли у окна, краснели ручками и горлышком. В комнате, как и в квартире в целом, было не только уютно, но и чисто. Ни бумажки на полу, ни видимой глазу пылинки. И только сладкий аромат иланг-иланга⁵ разносился по квартире.

Йорис почесал переносицу, почувствовав желание чихнуть. Не издавая лишнего шума, он отодвинул подсвечник, с горевшей свечой, в сторону, в дальний конец стола, откинулся на спинку стула и устремил взгляд на кровать. Легкая полуулыбка играла на его устах. То, что происходило в эти минуты между Эриком и Мелани, девушкой с витрины, в действительности представляло для него мало интереса. Он знал, как все начнется, знал, чем закончится. По-другому и быть не могло, ибо сексуальные мотивы человека, эгоистичного по своей природе существа, для него были очевидны – получить личное удовлетворение от секса. И те жалкие альтруистические попытки, которые предпринимает один партнер в отношении другого, не более чем желание угодить ему, желание скрыть эгоизм под маской альтруизма, делая это не более как под давлением общества, стремящегося привить человеку хоть некоторое понимание альтруизма.

Йорис увидел, как Мелани расстегнула Эрику молнию на джинсах, затем пуговицу, сунула руку ему в трусы. На лице Эрика появилось сладострастное выражение, когда рука девушки накрыла его пенис, обхватила, сделала движение вверх-вниз. Наконец вытащила его из трусов и принялась мастурбировать.

– Хорошо, детка, – тишину комнаты нарушил голос Эрика. – Только не спеши.

Медленнее. Да, да, вот так.

Рука Мелани соскользнула с эрегированного пениса Эрика и начала массировать ему яички. В какой-то миг девушка наклонилась и лизнула пенис Эрика. Провела языком по яичкам. Руки вернулись к мастурбации.

– О, небеса! Детка, продолжай! Не останавливайся!

Мелани прекратила мастурбировать пенис Эрика, но контакта с ним не утратила. Скользила вверх-вниз по всей длине пениса, поглаживала, затем сжала яички. Губы девушки прикоснулись к возбужденной головке пениса, рот приоткрылся, и вслед за губами к головке пениса устремился и язык.

– Godverdomme!⁶ – простонал Эрик, руки будто ожили, обхватили голову Мелани. – Возьми его в рот, малышка.

⁵ Растение, из цветков которого получают эфирное масло, используемое в парфюмерии и ароматерапии

⁶ Черт возьми! (гол.)

Откуда ни возьмись в руках девушки появился презерватив. Натянув его на пенис Эрика, Мелани обхватила его губами. Рука вновь принялась поигрывать с яичками Эрика.

– О, да, малышка! – Эрик двинул тазом вперед, желая вогнать пенис девушке в рот полностью. В то же время руками удерживал ее голову, не давая возможности отстраниться.

Мелани закашлялась, вытащила пенис Эрика изо рта. На глазах девушки блеснули слезы.

– Эй, полегче! Ты хочешь, чтобы я его проглотила?

– Прости, милая, но это было круто. Ты классно сосешь.

– Больше не делай так. Я сама знаю, что делать. Договорились? – Мелани не стала дожидаться ответа, вновь взяла пенис в рот и начала делать минет.

– Умница. Вот так. Продолжай, только не останавливайся, – Эрик положил ладони девушке на голову, пальцы заиграли ее волосами.

В комнату вернулась тишина, время от времени прерываемая чертыханиями Эрика. Йорис отвел взгляд от парочки, отодвинул штору и выглянул в окно. Прохожих на улице стало больше, как и туч на небе. Поднялся ветер и принялся гонять пыль по мостовой. Йорис задернул штору и вернулся взглядом в комнату. Подумал о том, что когда-то, давным-давно, еще когда был молод, был не против, как и Эрик, позабавиться с путаной, правда, дальше желания дело никогда не заходило. Пока не встретился с... Она была его первой путаной и стала последней. Ее звали Мерел ван дер Хост, симпатичная голландка с копной рыжих волос и миловидными ямочками на щеках. Ему тогда было двадцать пять, ей же давно перевалило за тридцать. После знакомства с ней, после множества ночей, проведенных вместе, его жизнь устремилась в другом направлении. Изменилась навсегда и к лучшему. К лучшему. Так Йорис убеждал себя из года в год на протяжении всей своей долгой жизни. Верил в это. Да и как было не верить, ведь если бы не Мерел, он так и не открыл бы для себя Искусство. Открыл. Нет. Точнее, не создал бы его. Мерел помогла ему понять некоторые вещи, те, о которых рациональный мужской мозг не способен думать в силу собственной ограниченности и эгоизма. Помогла понять, увидеть, что у женщины прекрасным может быть не только тело. Мерел помогла ему раскрыть его чувственность, с ней он научился чувствовать и доверять чувствам, научился видеть и обращать внимание на то, что для обычного мужчины не представляет никакой ценности. Так со временем и родилось Искусство.

Йорис бросил взгляд на Эрика с Мелани. Девушка продолжала делать Эрику минет, тихо постанывая. Одна ее рука покоилась у основания пениса Эрика, вторая – поглаживала влажное лицо через трусики. Эрик с идиотской улыбкой на лице не отрывал взгляд от Мелани, как и та, то и дело поглядывала на Эрика, следя за его реакцией на ее ласку.

Как же это было обычно. Как же это было банально. Как же это было примитивно. Йорис смотрел на парочку и думал о том, что, несмотря на тысячи лет человеческой эволюции, в человеке осталось очень много от животного. Даже секс, то, что дает жизнь человеческому существу, не смог обрести каких-то новых, более совершенных форм, форм, отличных от примитивного совокупления животных. Так и остался не более как спариванием половозрелых самца и самки, похотливых и эгоистичных, жаждущих во чтобы то ни стало получить удовольствие за счет друг друга. Это в лучшем случае. В худшем же, удовольствие получает один, и делает это за счет другого. Так происходит в животном мире, когда самец «берет» самку. Часто так происходит и в человеческом обществе, где самец, мужчина, стремится получить удовольствие за счет самки, женщины, удовлетворяя свои потребности и не думая о потребностях другого. До встречи с Мерел Йорис ничем не отличался от других мужчин, но после... Вот уже больше сорока лет как отличается. Нет. Не особенностями внешности. Нет. Не особенностями ума. Внешность его не изменилась, разве что седых волос стало больше, да кожа сморщилась, точно высохла. И ума не стало больше, разве что мудрости прибавилось. Той внутренней мудрости, которая приходит к единицам, и не с годами, а с опытом. Приходит и остается с тобой до конца

твоей брэнной жизни, словно луч света, помогая тебе находить истинный путь в царстве тьмы и невежества...

Стон Мелани заставил старика отвлечься от созерцания собственных мыслей. Йорис бросил взгляд в сторону кровати. Эрик успел уже стащить с себя джинсы и футболку, и теперь в одних трусах и носках лежал рядом с Мелани. Его губы жадно снимали нектар с губ девушки, а рука ласкала ей промежность через ткань трусиков. Но должно быть ей этого оказалось мало, так как уже в следующую минуту она скользнула вверх, избавила груди Мелани от бюстгальтера, накрыла одну грудь, затем сжала другую.

На краткое время Эрик отстранился от Мелани, стянул с нее трусики и отбросил в сторону. Затем стащил трусы с себя, раздвинул ноги девушке. В ту же минуту губы Эрика ринулись к влагалищу девушки. Та застонала. Йорис обратился в слух. Замер взглядом на лице Мелани. На какое-то время он забыл обо всем. Все утратило для него значение – и собственные мысли, и собственные воспоминания. Казалось, даже собственная жизнь. Он смотрел на лицо девушки, а на губах расцветала улыбка. Рука дернулась в сторону кровати. Что-то знакомое, но давно забытое колыхнулось в груди. Кровь быстрее устремилась по венам. В висках застучали молоточки. Йорис потянул носом воздух. Но вместо желанного запаха Мелани в нос ударил все тот же аромат иланг-иланга. На какой-то миг старик захотел оказаться на месте Эрика, почувствовать своей кожей нежность кожи девушки, ловить ушами каждый новый ее стон, как некую песнь богов, несущую тому, кто ее услышал, радость и счастье.

Мелани снова застонала, когда Эрик улегся сверху, раздвинул ей ноги и сильным толчком вогнал пенис в ее лоно. Взгляд Йориса будто застыл на лице девушки. Рука скользнула по воздуху, точно поглаживая тело девушки. От взгляда старика не утаилось ни легкое подрагивание девичьих губ, ни капельки пота, заблестевшие на лбу у Мелани, ни те эмоции, что раз за разом искажали ее красивое лицо.

Йорис закрыл глаза, чувствуя, как по телу разливается блаженство. Давно он не ощущал ничего подобного. На губах сверкнула радостная улыбка и тут же поблекла, когда тишину комнаты нарушил голос Эрика:

– Да, малышка... Вот так... Ты невероятна...

Йорис открыл глаза, и тихий вздох всколыхнул воздух перед ним. Эрик раздвинул ноги и опустился на колени над лицом Мелани. Его пенис снова оказался у нее во рту.

«И все же с ним будет трудно, – пронеслось у старика в голове. – Уж слишком много в нем самцовости».

– Давай, малышка... Теперь ты сверху, – услышал он.

Эрик лег на спину. Мелани устроилась сверху и задвигала тазом. Йорис переместил взгляд с ягодиц девушки ей на спину, скользнул выше, задержал на длинных девичьих локонках. Смотреть на пенис, то появляющийся из влагалища, то исчезающий в нем, у него не было никакого желания. Наоборот, возникло отвращение к тому, что происходило между Эриком и Мелани. Отвращение только усилилось, когда Эрик поставил Мелани на колени, а сам вошел сзади, задвигал тазом с такой скоростью, словно боялся опоздать на деловую встречу. Мелани застонала. Что-то нечленораздельное понеслось и из груди Эрика. Его взгляд точно прирос к пенису, нырявшему в лоно девушки с упорством старателя, промывающего руду в поисках золота.

– Fuck! – прорычал Эрик, обхватил руками ягодицы Мелани. Его таз начал двигаться еще быстрее. Не прекращая двигать тазом, он придавил девушку животом к кровати, одна рука легла на простыню, вторая ухватила за ягодицу Мелани. Эрик сильными толчками начал вгонять пенис в лоно девушки. Та застонала и закусилась зубами нижнюю губу.

В следующее мгновение тело Эрика сотрясли спазмы сладострастия. Из груди понесся стон. Эрик прижал таз к тазу девушки, сам склонился над ней. Через мгновение откатился в

сторону, стянул презерватив с пениса и бросил на пол. Мелани поднялась с кровати, подхватила белье со стула и скрылась в ванной.

Эрик проводил ее взглядом, не забыв задержать взгляд на подтянутых ягодицах девушки, стройных ногах, прикрыл одеялом таз.

– Если бы я курил, обязательно сейчас бы закурил, – ухмыльнулся Эрик и посмотрел на Йориса. – Йорис, вы все увидели, что хотели? Или стоит повторить?

– Если есть желание и деньги, Эрик, можешь повторить. Только уже без меня. Я увидел все, что хотел.

– Вам понравилось?

– Позволь мне не отвечать на этот вопрос, мой друг. До поры до времени.

– Как пожелаете, – Эрик пожал плечами, отбросил одеяло в сторону и поднялся с кровати.

Пока одевался, молчал. Йорис также молчал, повернул голову к окну, отодвинул слегка штору в сторону и смотрел на серые тучи на небе. Мелкий дождик барабанил по такой же серой мостовой, капельками невесомой влаги скатывался по стеклу, шуршал в листве деревьев. Старик почувствовал легкую расслабленность. Как здорово было бы забыть обо всем, что тревожит душу простого смертного, и только сидеть и слушать шум дождя за окном.

– Я тут подумал, – будто издалека донесся до старика голос Эрика. – Не заглянуть ли нам в ближайшую кафешку? Пропустим по бокальчику женевера. Секс – довольно-таки изматывающая штука. Все равно что поход в спортзал.

– У меня есть идея получше, мой друг. Я хотел бы тебе кое-что показать, поэтому приглашаю тебя к себе в гости. Бутылочку женевера мы найдем и у меня дома. Как ты на этомотришь?

– Да мне все равно, где пить женевер. Я не против.

– Вот и хорошо, – кивнул старик. – Тогда не будем медлить. Ты пока подожди меня на улице, а я поговорю с Мелани.

Час спустя они сидели на лужайке у дома Йориса. Дождь прекратился, но тучи не спешили покидать небо – застилали его тяжелым ватным одеялом.

Эрик забросил ноги на свободный стул и потягивал женевер из маленького бокальчика. Старик сидел рядом, обперевшись спиной о спинку белого, как соль, пластикового стула и блуждал ленивым взглядом по лужайке.

– Хороший у вас домик, – Эрик кивнул назад, в сторону небольшого одноэтажного дома. – На вид очень уютный. Вы сами здесь живете?

Старик взял бокал, едва наполненный женевером, со столика, оглянулся. Улыбка появилась на его старческом, изрезанном морщинами, как Амстердам каналами, лице. Он любил этот домик. Красивый, маленький и действительно уютный. Выложенный красным кирпичом, с большими зелеными ставнями на окнах, черепичной крышей и цветами в маленьких горшках на стенах и у стен. Он жил здесь давно. Казалось, вся жизнь его прошла здесь. Или так это и было? С тех пор, как познакомился с Мерел. Нет. Позже. После того как поженились. Оформили кредит в банке на следующий день после свадьбы. Это, и вправду, было очень давно. Очень.

Йорис обежал взглядом лужайку с аккуратно подстриженной травой. Он сам ее стриг, каждую субботу. Как и сам ухаживал за домом. Любил это дело, да и некому это было делать кроме него самого. Разве что нанимать людей с улицы. Но это лишние расходы, да и зачем нанимать кого-то, когда можешь сделать и сам.

– Сам, – наконец-то ответил старик, отпил из бокала.

– А ваши дети? Они живут не с вами? – Эрик бросил взгляд на одиноко стоявшую на столе бутылку женевера, на полупустой бокал в руке и потянулся за бутылкой. – Если вы не возражаете.

– Нет, нисколько, – отмахнулся старик. – Пей, сколько хочешь. Точнее, сколько сможешь, – рассмеялся. – При желании можем и вторую бутылочку открыть... У меня нет детей.

– Как нет? – Эрик замер с бутылкой женевера в руке. – И никогда не было?

– Нет. Не было, нет и, думаю, уже не будет. Слишком стар я стал, чтобы иметь детей.

– Но почему? – не унимался Эрик.

– Не знаю, – пожал плечами Йорис. – Все как-то было некогда, да и желания особого никогда не было.

В действительности все было – и время, и желание. Уже намного позже, когда они прожили с Мерел достаточно долго, чтобы пожелать иметь ребенка, Йорис узнал, что его горячо любимая Мерел не может иметь детей. По ее же признанию, когда она только начинала свой путь путаны, у нее была связь с одним клиентом. После выяснилось, что от него она подхватила некую болезнь (почему-то Мерел не пожелала уточнить название, а Йорис не настаивал). В итоге от болезни удалось излечиться, но вот от ее последствий... Бесплодие стало одним из таких последствий. Мерел предлагала усыновить ребенка, но Йорис отказался, хотел иметь своего. Первое время даже подумывал, не уйти ли от Мерел. Не смог. Слишком очарован был красотой ее внутреннего мира. А потом смирился с судьбой, когда понял, что счастье не только не в деньгах, но и не в детях.

Легкий ветерок коснулся его седых волос, старым приятелем потрепал по плечу, покачал бутонами цветов в горшках. Йорис поднялся из-за стола и поманил Эрика за собой.

– Пошли в дом. Хочу показать тебе кое-что, а заодно и ответить на твой вопрос: понравилось ли мне то, что я увидел тогда, в квартирке Мелани... Можешь захватить женевер с собой. Мне кажется, скоро снова дождь начнется, – старик кивнул на серое, как и его седина, небо и зашагал к дому.

Эрик ни сказал ни слова, подхватил бутылку, бокал с недопитым напитком и последовал за стариком.

Внутри дом понравился Эрику не меньше, чем снаружи. По-домашнему уютно, чисто, ухоженно. Даже и не верилось, что старик со всем управляется сам. Не раз и не два Эрику казалось, что вот-вот из-за угла выскочит юркая старушка с веником и совком в руках и примется за уборку. Но нет, ничего такого не происходило. И не могло произойти. Чуть позже, уже сидя в старицкой гостиной, окидывая взглядом голые стены с редкими картинами на пейзажную тематику, глухие закутки и слушая невероятную тишину дома, Эрик почувствовал, как на смену ощущению домашнего уюта приходит другое – ощущение холодного одиночества. Почувствовал даже неловкость, заерзал задницей по мягкой диванной сидушке, куда усадил его старик. Но Йорису о своих ощущениях ничего не сказал. Он бы так не смог, да еще в таком возрасте. Обязательно нашел бы какую старушку. Ни телом, так словом согрела бы, а своим присутствием прогнала бы из дома тоскливое одиночество. И дети... Чего-чего, а вот их звонких голосов и смеха в этом доме действительно не хватало. У него, в отличие от Йориса, обязательно будут дети. Так он решил, сидя на мягкой сидушке дивана, хотя вот раньше большого желания их иметь у него не было. Глупым был, кто-то скажет. Нет, просто молодым. Впрочем, за те минуты, что он провел в доме Йориса, вряд ли успел постареть, как и поумнеть. И все же почувствовал, что именно сейчас, внутри что-то как будто переключилось. Захотел иметь семью, детей. Когда у него это все будет, к нему в дом одиночество точно не постучится. Правда, пока что у него не было дома, только небольшая арендованная квартирка, но теперь это было неважно, совсем неважно. Он знал, чего хочет от жизни.

– Иди сюда, Эрик, – Йорис заглянул в гостиную, махнул рукой, приглашая Эрика следовать за собой. – А это оставь здесь, – сказал старик, заметив, как рука Эрика потянулась к бутылке с женевером на журнальном столике. – Для того, что я хочу тебе показать, тебе нужна более-менее трезвая голова, иначе мои слова останутся для тебя пустыми.

Эрик поднялся на ноги и последовал за стариком. Они прошли по короткому коридору и оказались в небольшом кабинете. Старик прикрыл за собой дубовую дверь и направился к столу, на котором Эрик заметил компьютер. Пока старик включал его, Эрик успел обежать взглядом помещение. Справа, у входа расположился книжный шкаф. Чуть дальше дверь вела на маленькую террасу, сплошь увитую плющем. Слева от входной двери, у стены расположился небольшой диван. Потертость на ткани сидухи и облезлость деревянных ножек, подлокотников говорили об изрядном возрасте дивана. Ближе к центру кабинета и стоял стол, за которым Йорис расположился на выдавшем виды деревянном стуле. Две картины на морскую тематику на стене и горшки с цветами на полу украшали до боли бедный интерьер кабинета.

– Ну вот, – услышал Эрик голос Йориса. – Подойди, мой друг, ко мне. Хочу показать тебе видео.

Эрик приблизился к столу, уперся одной рукой о спинку стариковского стула, вторую положил на местами поцарапанную столешницу. Через приоткрытую балконную дверь в кабинет ворвался ветерок, зашуршал шторами. Эрик потянул носом прохладный уличный воздух и побежал взглядом по рабочему столу компьютера.

Между тем старик запустил проигрыватель видео, выбрал необходимый видеофайл, открыл его.

– Я хочу, чтобы ты внимательно посмотрел это видео, – Йорис повернул голову к Эрику. – Оно короткое и его просмотр не займет много времени.

– Хорошо, – Эрик пожал плечами. – Давайте посмотрим ваше видео.

Йорис запустил видеофайл. На мониторе компьютера появилось зеленое царство джунглей. Высокие деревья с раскидистыми кронами были похожи на безмолвных великанов, застывших в ожидании неизвестного будущего. Толстые лианы, словно змеи, обвили стволы, длинными канатами свисали к земле. Кадр сменился новым, и Эрик увидел обезьян. Кто-то лежал на спине, закинув ногу на ногу, сунув травинку в рот. Кто-то – на боку, вытянув лапу и разглядывая волосинки на ней. Кто-то с серьезностью философа, раздумывающего над загадками Вселенной, сидел на траве и чесал губу. А кто-то оседлал ветку ближайшего дерева и спал.

– Эй! – воскликнул Эрик, кивнув на одну из обезьян, сидевшую на ветке. – Гляньте на его член! А яйца! Да они больше моих раза в два. Не меньше.

Эрик ткнул пальцем в монитор и расхохотался. Йорис только покачал головой. Улыбка тронула его губы.

– Предлагаю оставить все комментарии на потом. Сейчас от тебя требуется только смотреть. Желательно, молча, – добавил старик, вернув взгляд к монитору компьютера.

– Хорошо, хорошо, – Эрик умолк, но скалить зубы не перестал.

В кадре появилась группа обезьян. Одна обезьяна, большая размерами, принялась толкать другую, размерами заметно меньше первой. Толчки рукой, затем ногой. Эрик хихикнул, но заметив обращенный на него недовольный взгляд старика, умолк, нацепил на лицо маску бесстрастия и уткнулся взглядом в монитор компьютера.

Кадр сменился новым. Эрик увидел, как первая обезьяна перевернулась на колени и пригнулась к земле. Вторая, меньшая, пристроилась сзади и задвигала тазом.

– Эй, да он ее трахает, – не удержался Эрик, хихикнув. – Надо же, не только мне нравится эта поза... Что? Все? – удивление появилось на лице Эрика. – Так быстро? А я думал, это я так быстро кончаю.

Смех Эрика разорвал тишину, время от времени прерываемую тихим закадровым голосом диктора, пронесся по помещению и вылетел сквозь приоткрытые балконные двери на улицу. Где-то залаяла собака. Ее лай подхватила другая, но вскоре он затих, прерванный ворчанием автомобильного двигателя. С улицы донеслось воробьиное чириканье, но Эрик не обратил на него внимания, разглядывая обезьян в кадре. Еще одна группа обезьян. Две обезьяны сидят, тесно прижавшись друг к другу. Вдруг та, что покрупнее, развернулась мордой к парт-

неру и давай его толкать лапой. Эрик заметил соски на груди первой обезьяны и догадался, что это самка. И не ошибся. Пнув очередной раз партнера, смотревшего на нее так, словно чувствовал вину за что-то, самка приблизилась к самцу и обвила его ногами спереди. Самец, оскалив зубы в безумной улыбке, задвигал тазом со скоростью отбойного молотка, рвущего полотно асфальта.

– Надо же, – осклабился Эрик. – Я думал, так только люди могут.

– Как видишь, не только людям известна Камасутра... Это шимпанзе бонобо. Если верить ученым – наши близкие родичи... Но смотри дальше, и ты увидишь больше.

И Эрик смотрел. И чем больше видел, тем ниже отвисала его нижняя челюсть. Бонобо целующиеся. Бонобо, ласкающие друг другу половые органы. Бонобо, совокупляющиеся в разнообразных позах, позах настолько причудливых, что впору было думать, что бонобо на мониторе компьютера – не более чем результат деяний некоего гуру компьютерной графики.

Эрик охнул, когда увидел, как к паре бонобо, совокупляющихся в мутной от ила воде рядом с берегом реки, приблизился еще один бонобо, подошел к коленепреклонному бонобо, по всей видимости, самке и ткнул ее морду себе между ног.

– Невероятно, – пробормотал Эрик. – Твою мать! – тут же выругался, когда увидел, что самка и не самка совсем, а самый что ни на есть настоящий самец, а вновь прибывший бонобо, наоборот, не самец, а самка. В тот же миг самец подхватил самку на руки и посадил к себе на колени, задвигал тазом.

Остаток видео Эрик смотрел, молча, наблюдая за бонобо на мониторе компьютера. Сексуальной изощренности, как и извращенности обезьян, мог позавидовать любой порноактер. Даже высота не была им преградой для занятий сексом. Эрик видел не одного бонобо, совокупляющегося на ветке дерева высоко над землей. Видел он и тех, что занимались сексом, повиснув, уцепившись лапами за лианы.

– Тебе понравилось то, что ты увидел? – спросил Йорис, когда воспроизведение видео прекратилось.

– Скорее нет, чем да. Это же животные. Как может понравиться секс между животными?

– Но тебе нравится секс между людьми, не так ли?

– Конечно, ведь это совсем другое.

– Правда? – Йорис выглядел удивленным. – И что же другого в сексе между людьми? Что отличает секс между людьми от секса между животными? Что отличает секс между людьми от секса между бонобо? – Йорис кивнул на монитор компьютера.

– Ну... – начал, было, Эрик, но умолк, обдумывая ответ.

– Разве то, что ты видел, не напоминает тебе секс между людьми? – продолжал Йорис, заметив сконфуженность на лице Эрика. – Я не говорю о разнообразии позиций, которые используют бонобо для сексуальных утех. Я говорю о том, как они это делают.

– Я чего-то не понимаю, – пробормотал Эрик, бросив взгляд на потухший монитор компьютера.

– Чего ты не понимаешь? Того, что бонобо используют друг друга для удовлетворения своих сексуальных нужд? Или быть может того, что делают они это очень примитивно? Сунул пенис во влагалище, получил кратковременное удовольствие и побежал заниматься другими делами.

– Вот-вот, – ожил Эрик. – Бонобо трахаются очень примитивно, как животные. Но человек – совсем другое дело.

– Правда?

– Правда. У человека есть чувства и эмоции.

– Уверен, чувства и эмоции есть и у бонобо... – заметил Йорис, усаживаясь на диван. – Ты меня спрашивал, понравился ли мне секс между тобой и Мелани. Сейчас я могу ответить

на твой вопрос. Нет. Ты назвал секс между бонобо примитивным, но для меня он несколько не отличается от секса между тобой и Мелани...

– Да ну... – Эрик открыл рот, но умолк, заметив, что старик не закончил.

– ...Секс между бонобо – всего лишь примитивное спаривание животных. Ты согласен с этим утверждением, мой друг?

– Конечно.

– А можешь ты мне сказать, почему он примитивен?

– Почему? – растерянное выражение появилось на лице Эрика. – Не знаю. Просто он примитивен и все. Нет прелюдий, ласки.

– Правда? – Йорис распахнул глаза. – А мне так совсем не показалось. Пенис во рту самки, разве это не ласка? Или ковыряние самцом пальцем во влагалище самки. Чем тебе не ласка? Прелюдии. Да. Полноценных прелюдий у бонобо я действительно не заметил, но разве только это отличает секс между бонобо от секса между людьми? Прелюдии и в сексе между людьми не играют большой роли, так как это всего лишь подготовка к тому, для чего это все и затевалось – к непосредственному спариванию. Само спаривание – вот, что важно, как в сексе между людьми, так и в сексе между бонобо. Ты видел спаривание между бонобо, и ты знаешь, как происходит спаривание между людьми. Процесс одинаков и банален – самец помещает пенис во влагалище самки и посредством частых движений им, фрикций, доводит себя до оргазма. Роль самки в этом процессе проста – быть орудием удовлетворения самца.

– Ну, это вы сказанули, – Эрик опустил на сидущку дивана. – Самка-то тоже получает удовольствие и ей секс нравится не меньше нашего. Поэтому можно сказать, что и самец – это орудие удовлетворения самки. Разве не так?

– Конечно, не так, – сказал Йорис, поднялся со стула и приблизился к окну, отодвинул штору в сторону и выглянул в окно. – Я не спорю, женщинам секс нравится, как и мужчинам, но так и должно быть, ведь секс – это способ продолжения рода, увеличения популяции людей на планете. Именно это и является основным предназначением секса – способствовать продолжению жизни, поэтому он нам всем и нравится, и мужчинам, и женщинам. Будь иначе, мы бы не размножались и быстро бы вымерли. Думаю, задумка у природы все же была иной, поэтому мы и любим заниматься сексом. Получая удовольствие от секса, мы тем самым способствуем дальнейшему существованию человечества. Но дело не в этом. Скажи мне, мой друг, ты часто видишь, как женщина, одолеваемая желанием, прыгает на мужчину, доводит себя до экстаза, после чего секс закончен, и мужчина остается неудовлетворенным?

– Нуууу, – протянул Эрик, оперся спиной о спинку дивана и забросил ногу на ногу. – Всякое бывает. Я знаю женщин, которые любят доминировать в сексе и...

– Нет, мой друг, – старик отвернулся от окна и взглянул на Эрика. – Мы говорим не о доминации в сексе. В мире существует множество отклонений от нормы, но они нас несколько сейчас не интересуют. Я говорю о другом. Часто ли ты видел, чтобы мужчина не получал полного удовлетворения от секса, то есть останавливался на полпути, так и не пролив семя?

– Нет, не видел, – сдался Эрик. – В любом порнофильме мужчина обязательно кончает. Как и в жизни, – добавил он, ухмыльнувшись.

– А женщина?

– А тут как повезет, – осклабил Эрик. – Мы, мужчины, не виноваты же в том, что созданы такими? Кончать – наша... эээ, как это говорят... прерогатива. Вот, – сказал Эрик и рассмеялся.

Старик лишь улыбнулся, но почему-то улыбка получилась печальной.

– Тут ты прав, мой друг, – сказал он, возвращаясь к столу. – Тут ты прав. Но если мы такими созданы, разве мы обязаны такими и оставаться? Природа нас создала для одних целей, но сегодня эти цели давно утратили свою прежнюю актуальность. Бонобо это понять никогда не смогут, поэтому и дальше будут идти на поводу у своих животных инстинктов. А вот чело-

век, человек – нечто большее, чем животное, по крайней мере, современный человек, поэтому может видеть больше, понимать больше, делать больше того, на что его обрекла природа.

– А зачем? – недоумение скользнуло на лицо Эрика. – Чем плохо то, что у нас есть сейчас? Чем плохо то, что мужчина кончает раньше женщины? Да, было бы хорошо, если бы мы могли заниматься сексом дольше, но что тут поделаешь. Так мы устроены, а если так, то, значит, так и должно быть. Зачем что-то менять? Все равно ничего не изменишь.

Старик улыбнулся.

– Изменить можно многое, если есть желание, но дело-то не в том, что мужчина, как ты говоришь, кончает раньше женщины. К тому же сегодня существует много способов продлить половой акт. Дело в том, что мужчина, движимый животными инстинктами, часто даже не осознает, что всего лишь использует женщину.

– Хорошо. Пусть и так. Что в этом плохого? Ну, использует, но не запросто так. Женщина также получает удовольствие от секса. Все довольны. Всем хорошо.

– Мужчине, может, и хорошо, а вот женщине, – старик покачал головой. – Женщина хочет большего – не возможности заниматься сексом дольше, не тридцатисантиметровый пенис у партнера. Нет. В сексе женщина ищет понимания.

– Понимания? Не понимаю, – Эрик мотнул головой. – Причем здесь понимание? Женщина если что-то и хочет в сексе, так то, чтобы ее хорошенько трахнули.

Эрик поднялся на ноги, пересек помещение и замер на пороге террасы. Взгляд его устремился к лучу солнца, скользнувшему из-за тучи, и упавшему на крыши ближайших домов.

– У меня было достаточно женщин, чтобы понять это. Секс для женщины, как вода для цветка. Чем его больше, тем она покладистее. Без секса женщина превращается в эгоистичную и озлобленную стерву.

– Я не спорю, мой друг. Секс важен для женщины. Более того, он ей необходим, но... Но есть одно большое «но». В каждой современной женщине, как и в каждом современном мужчине, живет животная сущность – самка и самец, и именно в сексе ее проявление наиболее заметно. Именно в сексе женщина часто превращается в самку, которая хочет, как ты выразился, чтобы ее хорошенько трахнули. Но, замечу, самка временна внутри женщины. Она часто дает о себе знать, но не живет там постоянно. Для самки не важно понимание. Она живет инстинктами и большего ей не надо. Но женщина, то милое создание, что живет сегодня на нашей планете, не желает довольствоваться только инстинктами... Мой друг, ты говоришь, что у тебя было много женщин. Раз так, ответь мне на вопрос: часто ли женщина после занятий с тобой сексом оставалась удовлетворенной?

– Всегда, – хмыкнул Эрик. Самодовольная улыбка появилось на его лице.

– Правда? Тогда почему я не заметил удовлетворения на лице Мелани?

Улыбка вмиг слетела с лица Эрика. Он вернулся к дивану и тяжелым мешком плюхнулся на сидишку. Взгляд метнулся к старику, к компьютеру на столе и вылетел в окно.

– Наверное, вы плохо смотрели, – нашелся Эрик, вернув улыбку на лицо.

– Ну почему же? Я многое успел заметить на ее лице – временами удовольствие, временами покорность и даже что-то очень похожее на скуку, но вот удовлетворения от секса с тобой, мой друг, извини, не обнаружил.

– Это потому, что она проститутка, – пожал плечами Эрик. – Много клиентов. Устала. Какое уж тут удовлетворение.

– Нет. Это потому, что во время секса ты ничем не отличался от других. Ты взял, но ничего не дал взамен. И я не имею в виду деньги.

– Еще чего. Она проститутка. Ее профессия – давать.

– Нет. В первую очередь она женщина. Когда ты это поймешь, а я надеюсь, что ты когда-нибудь это поймешь, ты станешь кем-то большим для нее, чем самцом, стремящимся использовать ее тело для удовлетворения собственных сексуальных нужд.

– Стоп! – Эрик поднял руки в примирительном жесте. – Все эти разговоры, о непонятно чем, меня изрядно утомили. Если вы не против, сделаем паузу. Вот сейчас мне женевер необходим более, чем когда-либо, – Эрик поднялся на ноги. – Если вы не против, – сказал он и направился к выходу из кабинета.

– Нисколько, – мотнул головой Йорис. – Думаю, я, и правда, тебя утомил. На сегодня хватит. Слова ни к чему, когда необходимы действия. Пошли, выпьем по бокальчику женевера.

Глава 4

– Это действительно необходимо? – пробормотал Эрик, наблюдая за стариком. Тот сидел перед компьютером и стучал по клавишам клавиатуры, вводя в поисковик браузера слово «порно».

– Да. Ты должен научиться сдерживать свои инстинкты, управлять ими, – Йорис стукнул по клавише «Ввод», отправляя поисковый запрос.

Через мгновение перед ним предстала интернет-страница с результатами поиска.

– Давай выберем этот сайт. Что лишний раз искать? – старик выбрал первую же ссылку на странице с результатами и принялся ждать, когда завершится переход на веб-сайт.

– Не могу понять, какое отношение к сдерживанию своих инстинктов имеет порно.

– Прямое, – заметил старик. – Ты помнишь наш последний разговор два дня назад о том, что мужчина часто использует женщину, чтобы удовлетворить свои половые инстинкты? Вспомни свой последний секс с Мелани. Помнишь, что ты ощущал тогда, когда только раздевал ее?

– Конечно, помню. Я хотел ее как можно быстрее трахнуть, – Эрик рассмеялся и посмотрел на приоткрытую дверь, ведущую из кабинета. В зале на столе стояла бутылка женевера, но старик не разрешил ему к ней прикоснуться. Сказал, что ему нужна его светлая голова. Эрик хотел взбунтоваться, но вовремя спохватился, вспомнив, что находится у старика дома. В итоге решил, что женевер от него никуда не денется, разве что у бутылки появятся ноги. Но вероятность этого была столь мала, что он забыл на время о женевере и сосредоточился на том, что говорил ему старик.

– Это вполне понятно. Инстинкты требуют от тебя соития с самкой, готовой к совокуплению, чтобы дать начало новой жизни. К тому же Мелани красива. Думаю, ее внешняя красота – это показатель ее хорошего здоровья, а значит, имеется вероятность иметь здоровое потомство... Хорошо. Забудем пока о Мелани. Подойди ко мне. Смотри, – старик кивнул на монитор компьютера. – Как тебе этот сайт? Какой раздел с видео выберем? Восемнадцатилетние? Азиатки? Блондинки?

– Это точно необходимо? Я не против порно, но сейчас я себя как-то неловко чувствую, словно на приеме у проктолога, готового сунуть мне палец в зад.

– Ты не на приеме у проктолога, поэтому можешь расслабиться. Я не буду тебя долго мучить и тем более не собираюсь засовывать тебе палец в зад. Посмотрим одно-два видео, и на сегодня этого будет достаточно.

– Я себя чувствую извращенцем, – ухмыльнулся Эрик. – Ладно. Давайте посмотрим на латиноамериканок. Всегда любил экзотику.

– Хорошо, – только и сказал старик, щелкнул клавишей мышки, выбирая нужный раздел сайта.

– Вот! – Эрик ткнул пальцем в монитор, когда страница наконец-то загрузилась. – Смотреть на другие пенисы мне что-то сегодня неохота. Латиноамериканки-лесбиянки. То, что нужно. Вы не против?

– Нет, нет. Что ты. Думаю, так будет даже лучше. Всегда приятнее смотреть на обнаженное женское тело, чем на мужское. К тому же, наблюдая за лесбиянками, многому можно научиться.

– Разве что как лизать киску, – хохотнул Эрик. – Но это я и без них умею делать.

Старик улыбнулся. Ничего не сказал. Выбрал первое же видео на странице и запустил его. Эрик устроился рядом, за спиной старика, положив руку на спинку стула, на котором сидел. Довольная улыбка и не думала сходить с его лица.

В кадре появилась девушка, точнее, нижняя ее половина: длинные стройные ноги, белые туфли на длинном каблуке. Через короткое время камера пошла вверх и немного отдалась, давая возможность увидеть роскошные бедра девушки и округлые ягодицы, прячущиеся за коротким цветочным платьем. В проеме ног девушки проглядывала тонкая полоска белых трусиков.

Камера отодвинулась еще дальше. Теперь можно было видеть тонкую талию и волосы девушки, такие длинные, что концы их достигали ее ягодиц.

Камера приблизилась к девушке, сфокусировалась на ягодицах. Девушка как будто этого и ждала, повернулась боком к камере, предоставляя возможность зрителю оценить плавность линий красивого женского тела: бедра, ягодицы, талия. Руки коснулись края платья. Ноги ожили, колени заиграли. Девушка вновь повернулась спиной к камере. Ягодицы оголились больше, и теперь можно было видеть трусики девушки. Но та не спешила их прятать за платьем. Ладони погладили ягодицы. Ноги вновь пришли в движение. Ягодицы девушки повернулись сначала в одну сторону, затем в другую.

– Хороша, сучка, – тишину комнаты всколыхнул голос Эрика. – Я бы с ней переспал.

Старик проигнорировал комментарий Эрика, откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

Между тем, камера снова чуть отдалась. Ладони девушки ласковым ветерком пробежали по бедрам, ягодицам и взметнулись вверх. Теперь ожили волосы девушки, всколыхнулись, кончики затанцевали. Но их танец прекратился, когда ладони девушки вновь легли на ягодицы, спина прогнулась. Девушка выпрямилась, взялась руками за край платья и потянула вверх, замерла, точно в раздумии, оголяя полностью ягодицы. Ненадолго. Девушка будто устыдилась своей раскованности, дернула платье вниз и тут же, казалось, передумала, оставив ягодицы наполовину открытыми взгляду зрителя.

Скромность покинула девушка окончательно, когда пальцы рук легли на оголенные ягодицы, сжали их, раздвинули. Камера пошла вперед, запечатлевая момент.

– Она так и просится на член, – вновь не удержался от комментария Эрик. – Сунул бы прямо в ту маленькую дырочку, – Эрик кивнул на анус девушки, угадывающийся за трусиками.

– Slet⁷, – прокомментировал очередное действие девушки Эрик. – Дразнит.

Девушка двинула бедрами, и в проеме ее ног появились пальчики рук, легли на промежность и замерли. Ягодицы девушки пришли в движение, медленно начали вращаться. Полоска трусиков отошла в сторону, оголив половую губу девушки. Но девушке, видать, этого оказалось мало, так как она подняла ногу и положила ее на возвышенность, невидимую в кадре. Пальцы девушки ухватились за трусики, потянули в сторону.

– О, черт! – не удержался от комментария Эрик, когда увидел влагилице девушки крупным планом.

Пальцы девушки стыдливо прикрыли половые губы, но, как оказалось, только для того, чтобы через мгновение показать их миру снова. Камера ушла назад. В кадре возник край туалетного столика в ванной, стульчик, на котором стояла нога девушки, край зеркала над столиком. Но девушка не дала возможности сосредоточить на этом внимание зрителя и, не переставая двигать тазом, раздвинула двумя руками половые губы. На этом не остановилась, отодвинула полоску трусиков в сторону, прогнулась и принялась поглаживать пальцем влагилице.

– Так бы и сунул, – процедил Эрик.

Краем глаза Йорис уловил движение. Бросил взгляд в сторону и увидел, как рука Эрика легла на пенис, прятанный под джинсами.

---

⁷ Шлюха (гол.)

Старик улыбнулся. Он не ошибся. С Эриком действительно придется повозиться. Уж слишком сильно довели над ним инстинкты. Но это было и не удивительно. Эрик был молод и полон сил. Гормоны играли, инстинкты требовали своего.

Тем временем, на мониторе появился новый кадр. Девушка лежит на кровати. Длинноногая брюнетка. Та самая, в коротком цветочном платье. Рядом еще одна. Блондинка в серых шортиках и белом топе с черными полосами. Спустя минуту брюнетка сбросила с себя платье, оставшись в одних трусиках. Блондинка сняла шорты, топ.

– Отличная грудь, – заметил Эрик. – Что у брюнетки, что у блондинки. Но у блондинки все же лучше. Аппетитнее на вид. С удовольствием присосался бы к ней, – Эрик хмыкнул и умолк. Взгляд его точно приклеился к двум красоткам на мониторе. Те успели лечь на кровать, прижались телом к телу. Их губы нашли друг друга. Ладонь блондинки легла брюнетке на обнаженную спину, согнутая в колене нога уютно устроилась на ее талии. Брюнетка не осталась в долгу, положила ладонь подруге на ягодицу и начала ее поглаживать. В следующую минуту брюнетка, не отрываясь от губ блондинки, подалась вперед и уложила ту на спину, села сверху. Ладони маленькими лодочками заскользили по нежной коже груди блондинки. Та в ответ положила руки брюнетке на бедра, переместила на ягодицы.

Краем глаза Йорис уловил движение в стороне, скосил взгляд и заметил, как рука Эрика легла на холмик, возникший у того между ног. Но Эрик не видел обращенного на него взгляда старика. Все внимание поглотили события на мониторе компьютера. Рука его, точно обрела жизнь, сжала пенис под джинсами. Эрик сглотнул, когда увидел, как брюнетка, стоявшая на коленях над подругой, прогнула спину. Таз девушки подался вперед, назад. Комната наполнилась тихими вздохами и стонами красоток. Мгновение спустя губы брюнетки нашли соски подруги, ладонь устремилась в путешествие по ее телу, пробежала по плоскому животику и накрыла промежность под трусиками, но уже в следующий миг устремилась к груди, на которую не прекращал проливаться дождь из поцелуев.

Комната наполнилась стонами блондинки. По ее телу, точно по поверхности океана, ходили волны сладострастия. Грудь девушки то устремлялась вперед, навстречу губам брюнетки, то подавалась назад, будто не в силах вынести ласку. Соски девушки напряглись, заострились. Взгляд заволокло пеленой неги и расслабленности.

Брюнетка перестала ласкать подругу, приподнялась и стянула с той трусики, оставив ее в чем мать родила. Отбросив трусики в сторону, девушка вновь склонилась над подругой, ладони заскользили по ее телу: грудь, живот, бедра и ягодицы.

Тихое сопение над головой привлекло внимание Йориса. Повернув голову, старик увидел Эрика, мнущего пенис через джинсы. Зубы юноши покусывали губы, на лбу выступила испарина, дыхание с тихим присвистом вырывалось из груди. Вожделение застыло в глазах.

– Может, выпьешь бокальчик женевера? – как бы между прочим предложил старик. Мягкая полуулыбка заиграла на его губах.

– К черту женевер, – отмахнулся Эрик, оставив в покое пенис и смахнув тыльной стороной ладони пот со лба. – С большим удовольствием я бы трахнул сейчас этих шлюшек... Stront!⁸ – рука Эрика вновь сжала проступающий сквозь ткань пенис. – Как можно быть спокойным, когда тут такое... Я хочу кончить.

– Тебе необходимо научиться контролировать свои инстинкты, так как только так ты сможешь овладеть Искусством.

– Единственное, что я сейчас хочу, это овладеть какой-нибудь симпатичной сучкой... Stront! Лучше бы вы мне не показывали это видео, – Эрик кивнул на монитор компьютера. – Какой нормальный мужчина сможет быть спокойным, когда тут такие киски... Я ненадолго вас оставляю, – бросил Эрик и зашагал к выходу из кабинета.

⁸ Дерьмо (гол.)

Некоторое время спустя Йорис услышал, как хлопнула дверь ванной комнаты, а еще чуть позже – звук бегущей из крана воды.

– Трудно ему будет, – пробормотал старик, закрывая интернет-браузер. – Видела бы ты это, Мерел. Я даже не знаю, как ему помочь. Животное все еще сидит внутри современного человека и справиться с ним непросто. Быть может, я поспешил, взявшись обучить этого молодого человека Искусству? Он слаб, безволен и легко возбудим. Слабый, очень слабый. Эх, Мерел. И зачем только я дал тебе это обещание?

Старик выключил компьютер, поднялся из-за стола и вышел на террасу. Положил руки на ограждение и побегал взглядом по округе. Мысли в голове успокоились, потекли плавно, будто опьянели от избытка кислорода в воздухе. Налетевший ветерок дернул за рукав рубашки, зашелестел в вазонах. Где-то на крыше заворковали голуби, а вдалеке залаяла собака.

– Ты и сам был молод, Йорис. Вспомни, какое возбуждение тебя охватывало при виде красивой женщины. Поэтому нечего к нему придирааться. Дай ему время. Для всего необходимо время, – тихий вздох вырвался из груди старика.

Йорис задержал взгляд на ветряках, выстроившихся вдоль дороги на горизонте. Высокие, покрашенные в белый цвет, они представляли собой разительный контраст с серостью небесного покрывала над головой. Изорванные по краям облака сплошной пеленой укрывали небо, предвещая новую порцию непогоды в скором будущем.

Вдалеке сверкнула молния, расколола небо на части и исчезла, оставив лишь память о себе. В воздухе усилился запах озона, явный признак надвигающейся грозы. Возникший словно из ниоткуда рокот двигателя автомобиля на какое-то время заглушил собачий лай, но вскоре затих в отдалении. Старик напоследок пробежал взглядом по крышам соседских домов, развернулся и скрылся в доме.

Долгую минуту-другую он сидел перед темным монитором компьютера, рассматривая собственное отражение и слушая доносившийся из ванной комнаты шум бегущей воды. Густая россыпь морщин на лице давно стала чем-то привычным и даже родным. Он уже и не помнил себя без нее. Как и без седой поросли волос на голове. Все еще густых, как в молодости, относительно длинных, которые, хотелось бы думать, украшали его, но истина была другой. Разве то, что свидетельствует о близости смерти, об увядании жизни, может ли быть достоинством? Для невежественного, живущего иллюзиями – быть может. Для умудренного жизнью – это не более чем напоминание о краткости жизни, о логическом ее завершении, ибо если есть начало, всегда будет и конец.

– Чертовы шлюхи, – в кабинет вернулся Эрик с бутылкой женевера в одной руке и двумя маленькими бокальчиками в другой. Поставил бокалы на стол, откупорил бутылку и наполнил бокалы наполовину. – Вы же не против? – Эрик посмотрел на старика, ухмыльнулся, взял один из бокалов и направился к дивану.

– Полегчало? – поинтересовался старик, наконец-то оставив в покое собственное отражение в мониторе компьютера.

– Значительно, – осклабился Эрик, отпил из бокала и откинулся на спинку дивана. – Как поживают наши... эээ... красотки? Надеюсь, они кончили обе?

– Кто их знает? – пожал плечами Йорис. – Когда ты ушел, я выключил компьютер. На сегодня, пожалуй, достаточно видео с обнаженными девушками.

– Я тоже так думаю, – хохотнул Эрик. – Второй раз бежать в ванную мне не очень хочется.

– Ты быстро поддался возбуждению.

– Ха! Какой нормальный мужчина, будь он на моем месте, остался бы спокоен? Вы сами говорили, такими нас создала природа. Размножение, потомство, инстинкты – да, я все помню. Но ничего поделать с собой не могу, да и как-то не хочется. Я люблю женщин. Мне нравится возбуждаться при виде красивой женщины и, честно говоря, я благодарен природе или кому-

там, что меня создали именно таким, а не, например, безразличным к женской красоте и телу. Такая жизнь была бы скучной и неинтересной.

– Не могу с тобой не согласиться, мой друг. И хотя мне понятны те примитивные механизмы, которые лежат в основе влечения, возникающего между мужчиной и женщиной, я тоже рад, что мы созданы такими, какими созданы. И, тем не менее, это только стартовая площадка для нашего дальнейшего развития. В какой-то мере то, какими мы приходим в этот мир – всего лишь заготовка того, кем мы можем стать, уходя из него. Конечно, нет ничего проще, чем прожить обычную жизнь, идя на поводу у своих инстинктов и примитивных желаний. И я когда-то так жил. Все мы так начинаем жить и такими многие из нас приходят к ее концу. И все же есть люди, которые в один прекрасный момент своей жизни – прекрасный, ибо этот момент меняет их жизнь, и уверен, к лучшему – осознают, что простота – это не более чем иллюзия, ширма, за которой прячется нечто большее, нечто восхитительнее, прекраснее. Как бы это ни самоуверенно звучало из моих уст, но я счастлив, что уйду из этого мира другим человеком, человеком, познавшим внутренний мир женщины так, как никто другой до меня и, кто знает, быть может, как никто другой и после меня.

Эрик если бы и хотел, не смог бы не заметить огонь, вспыхнувший в глазах старика при последних словах. Непонятная для него смесь детского восторга, неподдельного счастья и искреннего удовлетворения. Ничего подобного он никогда прежде не видел. Это походило на сумасшествие. Но старик не был сумасшедшим. Эрик чувствовал это. Разве что самую малость. Впрочем, малая доля сумасшествия присуща всем людям. Иначе как объяснить невероятную доверчивость людей. Вот как Эрик. Почему-то он верил старику. Если тот говорит, что уйдет из этого мира человеком, познавшим внутренний мир женщины так, как никто другой до него, значит, это правда. В любом случае проверить искренность слов старика Эрик не мог. Как не мог никак понять, о каком внутреннем мире женщины все время говорит старик.

– Значит, вы не хотите жить простой жизнью? – Эрик вспомнил о женевере в руке и отпил из бокала.

– Точнее будет сказать, не хотел, – поправил старик. – Что ни говори, но моя жизнь приближается к финишной черте... С тех самых пор, как увидел, насколько прекрасным может быть внутренний мир женщины. Вот тогда я будто переродился. Да, это произошло не сразу. Понадобилось время, чтобы увидеть этот внутренний мир, впрочем, как и понять, что он существует. Я был молод, недоверчив и, стоит признать, недостаточно опытен, как в жизни, так и в любви, хотя на то время мне уже исполнилось двадцать пять. Что тут скажешь. Другие времена, другие нравы. Но на женщин смотрел так же, как и другие мужчины, как самец смотрит на самку, одолеваемый только одним желанием – совокупиться с ними. Но, какая ирония судьбы, именно этому желанию я и обязан тому событию, которое произошло в моей жизни и изменившее ее в итоге... Однажды я решил снять путану... Не смотри на меня так, – улыбнулся старик, заметив взгляд Эрика, обращенный к нему. – Я же говорил, раньше я ничем не отличался от других людей. Жил так же, стремился к тому же и в итоге получал то же, что и они. Но не будем об этом. Это прошлое, о котором я часто вспоминаю с горечью. К счастью, оно оказалось не таким уж и долгим... Я решил снять путану, – повторил старик, взял в руку бокальчик с женевером, поднялся со стула и переместился к Эрику на диван. – Это было там же, где мы... ммм... скажем так, познакомились с Мелани, здесь же, в Амстердаме, в районе, известном всему миру как район Красных фонарей. Мне тогда только исполнилось двадцать пять, и это был мой первый опыт знакомства с девушками такого сорта. Ей же было тридцать пять. До сих пор помню тот удивительный аромат ее парфюма – смесь мандарина, бергамота, мускуса и еще чего-то не столь уловимого... Она не взяла с меня ничего. До сих пор не знаю, почему. Что-то говорила о чувствах, обо мне, но, признаться, я мало ее слушал... Мы расстались, но только лишь для того, чтобы на следующий день встретиться вновь, затем вновь и вновь, – Йорис умолк.

Тень печали скользнула на его лицо. Он уставился взглядом в пол, забыв о бокале женевера в руке, Эрике, сидевшем на расстоянии не дальше вытянутой руки, о настоящем, устремившись мыслями в прошлое, далекое, но такое желанное.

– Мне не хватает тебя, – шепнул старик, поднял руку и смахнул с глаз предательскую слезу.

Минуту-другую в кабинете стояла тишина. Эрик не спешил прерывать поток воспоминаний, ливнем хлынувший на старика, попивал женевер и рассматривал дождевые капли на оконном стекле. Дождь все же начался и теперь едва слышно барабанил по подоконнику. Йорис отпил из бокала. Шумно вздохнул и улыбнулся.

– Иногда мне хочется иметь амнезию, чтобы не помнить то, что было в прошлом, что ценно для тебя, но невозможно вернуть. Но, с другой стороны, если бы я не помнил свое прошлое, тогда бы не знал, что для меня ценно и что придает смысл моей жизни. Мы, люди, часто не знаем, чего хотим. По крайней мере, до тех пор, пока не узнаем, а чего же мы хотим... Когда-то она мне сказала: «Йорис, в тебе есть то, что присутствует не в каждом мужчине». Что именно, она не сказала, но я все же догадался, что она имела в виду. Уже потом, спустя длительное время после нашего знакомства. Это то, что, как мне кажется, я увидел в тебе, но что ты не видишь сам в себе. Чувственность. Я не говорю о чувствительности, как я понимаю – склонности человека к сентиментальности. Нисколько. Я говорю о чувственности, о возможности ощущать чувствами то, что часто не увидишь глазами. Мы часто делаем это неосознанно, хотя чувствовать, осознавая это, невероятное блаженство, особенно когда перед тобой женщина. В прошлом, как я говорил, я мало отличался от других мужчин. В сексе, как и в жизни, я был эгоистичным существом. Получить личное удовольствие для меня было важнее всего. Получит ли удовольствие и тем более удовлетворение женщина – мне на это было по большому счету просто-напросто наплевать. Я видел в женщине самку. Ничего более. Самку, с помощью которой можно самоудовлетвориться. И это не удивительно, ибо я был всего лишь самцом. Мое восприятие женщины было примитивным. Я стремился не понять женщину, а раздвинуть ей ноги, сунуть пенис во влагалище и получить удовольствие. Меня никогда не интересовало, что находится у женщины внутри, зато то, что было у нее снаружи, меня притягивало, точно магнитом. Но как же я ошибался! Знал бы ты, мой друг. Женщина – самое прекрасное из того, что существует в этом удивительном мире... Ты не веришь мне, Эрик, – заметил старик, когда Эрик издал недоверчивое хмыканье. – Но это правда, истина для того, кто сумел увидеть внутренний мир женщины. Тебе сейчас тяжело понять то, о чем я говорю, но придет время, и ты обязательно поймешь, конечно, если тебе хватит терпения дождаться этого времени.

– Я не знаю, что сказать, – сказал Эрик. – Я действительно часто вас не понимаю. Мы словно с разных планет.

– Всему свое время, мой друг. Всему свое время. Большого я тебе сказать пока что ничего не могу.

– Ладно. Могу я задать вопрос?

– Конечно.

– Иногда мне кажется, что вы выступаете против секса. Это так? Если ваше Искусство потребует от меня забыть о сексе, тогда нам лучше распрощаться сейчас. Я люблю секс, поэтому отказ от него для меня равносильен смерти.

– Тебе никто не говорит, что надо отказываться от секса. Я только выступаю против бездушного спаривания. Искусство как раз и позволяет секс превратить из животного спаривания в нечто большее.

– Во что именно?

– Как бы это ни звучало странно, но мне трудно ответить на этот вопрос. Быть может, в акт чувственного познания женщины, ее внутреннего мира.

– Это как? – Эрик скривился. – Мне это даже представить трудно. И почему женщины, а не мужчины или хотя бы друг друга: мужчины и женщины?

– Потому, что женский организм, в отличие от мужского, более совершенен...

– Чушь!

– Позволь мне закончить, – Йорис встал, прошелся к столу, развернулся лицом к Эрику и продолжил. – Мое восприятие женщины разительно отличается от твоего, как и от восприятия любого другого мужчины. Ты помнишь девушку, которую мы с тобой видели когда-то у банка? Помнишь свою первую реакцию на нее? Появилось желание переспать с ней. Разве не так? Инстинкты заставили тебя испытать это желание, как и заставляют нас, мужчин, испытывать его изо дня в день на протяжении всей нашей жизни. Ты увидел ее тело, и этого оказалось достаточно, чтобы твой пенис принял вертикальное положение. Такова наша мужская животная природа. И я таким был. Но сегодня, как и последние сорок лет, я смотрю на женщину иначе. Когда я вижу женщину, меня тянет не переспать с ней, а заглянуть ей, если так можно выразиться, в душу. Ее тело в отдельности от ее внутреннего мира меня не интересует, ибо я воспринимаю женщину как цельный организм, внутри которого находится удивительный чувственный мир, и именно желание увидеть этот мир, познать его, влечет меня к женщине сильнее любого присущего мне инстинкта... Нет. Ты меня не понимаешь, – улыбнулся Йорис, заметив выражение недоумения на лице Эрика. – Думаю, я утомил тебя словами. Хорошо. На сегодня достаточно. Забудь все, что я тебе сказал. Запомни только одно: для того, чтобы увидеть в женщине нечто большее, чем самку, тебе необходимо взять под контроль свои инстинкты. Для этого понадобится время, но однажды, когда самец внутри тебя окажется на коротком поводке, ты увидишь не только красоту и совершенство внутреннего мира женщины, но и станешь уникальным мужчиной, мужчиной, с которым захочет связать свою судьбу любая женщина.

При последних словах старика в глазах Эрика вспыхнул огонек тщеславия. На лице появилась улыбка. Эрик поднес руку с бокалом ко рту и пока потягивал женевер бегал взглядом по полу, точно надеялся, что вот сейчас пол превратится в волшебное зеркало, рябь пробежит по его поверхности, и он увидит свое будущее, будущее, сравнимое по важности с тем, как если бы он остался единственным мужчиной на планете Земля.

Глава 5

Он снова сидел в небольшой комнатке, вдыхал аромат иланг-иланга и наблюдал за тем, как Эрик пытается сохранить спокойствие, лежа на кровати рядом с Мелани. Эрик нервничал, и Йорис это не мог не заметить. Покусывание губ, ерзание, недоуменный взгляд, то и дело бросаемый на старика. Эрик хотел Мелани. Это мог бы увидеть и слепой. Да только дело было в том, что старик запретил ему касаться девушки. И теперь они лежали на кровати. Мелани, как всегда красивая и желанная, лежала на боку, вытянув руки вперед и поджав ноги, словно кошка, удовлетворенная жизнью. На влажных, то и дело подрагивающих губах девушки играла мягкая полуулыбка, глаза были закрыты, локоны волос ниспадали на вытянутую руку и розовое покрывало на кровати. Черные лосины поблескивали в тусклом свете ночника. Конец желтой футболки, с нарисованными бутонами тюльпанов на груди, был задран, чтобы открыть взглядом окружающих белый, как сахар, оголенный бок девушки.

Мелани великолепно справлялась с той ролью, которую на нее возложил старик – роль несоблазняющей соблазнительницы. Йорис это видел. Видел и недовольство на лице Эрика. Тот все никак не мог улечься, менял одну позу на другую – то лежал на спине, закинув ногу на ногу и подложив руки за голову, всем своим видом выражая безразличие к происходящему, то – на боку, наблюдая за Мелани, грудь которой медленно поднималась, влекомая умиротворенным дыханием девушки. Раз или два рука его ложилась на ягодицу Мелани, и тогда ресницы ее вздрагивали, глаза открывались, а взгляд устремлялся на старика, сидевшего на стуле у окна. Но тот никак не реагировал, будто его и не было в этой комнате. Знал, что Мелани и без него знает, что делать. Недаром он с ней закрылся в ванной на целых двадцать минут. И правда, минутная стрелка не успевала сделать и полукруг на циферблате часов, как девушка, улыбаясь краями губ, хватала рукой ладонь Эрика и сбрасывала со своего тела на кровать, чем вызывала еще большее недовольство парня. Его новые попытки коснуться тела девушки заканчивались тем же, а именно ничем. В итоге Эрик, навесив на лицо маску обиженности, отворачивался от девушки, чтобы через короткое время снова дать рукам волю. В конце концов, видя безрезультатность своих притязаний, Эрик отвернулся от Мелани и побежал взглядом по потолку.

Йорис увидел, как глаза Мелани открылись, взгляд побежал по спине Эрика, замер на его затылке. Девушка улыбнулась, легла на живот, удобнее устроила голову на руке, поджала ногу, прогнула спину, затем закрыла глаза и издала тихий стон. Кончик языка девушки скользнул по губам, ротик приоткрылся, выпуская на свободу горячее дыхание. Умиротворенная улыбка застыла на ее лице.

Эрик откинулся на спину, достал мобильник из заднего кармана джинс, бросил взгляд на экран и сунул назад. Взгляд переместился на девушку рядом, замер на ее лице.

– Скажи, ты ведь это специально делаешь, правда? – рука Эрика устремилась к лицу Мелани, пальцы коснулись ее скулы.

Девушка не ответила. Все так же лежала с закрытыми глазами, расслабленная, желанная.

– Это идиотизм, Йорис, – голова Эрика повернулась к старику, сидевшему молчаливой статуей в темном углу. – Может, вы мне объясните, что происходит?

– Разве что-то происходит? – улыбнулся старик.

– В этом-то и дело. Я хочу трахнуть эту сучку, но она не дается. Ведет себя, словно девочка-целочка. Вы ей за это сегодня заплатили деньги? Чтобы она строила из себя целку?

– Тебе не нравится, что Мелани тебя отталкивает?

– Да, мне это не нравится.

– Скажешь мне, почему тебе это не нравится?

– Разве это имеет значение?

– Имеет.

– Я хочу ее.

– Конечно, хочешь, – губы старика расплылись в довольной улыбке.

Йорис поднялся со своего места и приблизился к кровати. Рука старика легла Мелани на ногу, нежным ветерком скользнула по бедру, переместилась на талию. Мелани вздрогнула и открыла глаза. Взгляд устремился к старику. Нижняя губа дрогнула.

– Я несколько не сомневаюсь, мой друг, что ты хочешь Мелани, – ладонь старика лежала на талии девушки невесомой пушинкой, едва касаясь ее. Пальцы двигались, словно перебирали струны гитары. – Движимый похотью, ты хочешь как можно быстрее сунуть пенис в ее влагище. Твой мозг предвкушает скорое удовольствие, предвкушает наслаждение, но... Но девушка отказывает тебе, – стариковские пальцы двинулись дальше по телу девушки и замерли на ее животике. На краткий миг старик почувствовал нестерпимое желание снять с девушки футболку и коснуться кожи ее тела. Что за ересь?! Что за насмешка?! Разве касание мертвого сравнимо с касанием живого?! Разве касание женского тела через ткань сравнимо с касанием обнаженного женского тела?!

Ушей старика достиг тихий всхлип Мелани. Девушка лежала на спине, устремив на старика взгляд, полный смятения. Дыхание зачастило. Зубы закусил нижнюю губу, да так сильно, что, казалось, еще немного и тонкая струйка крови устремится вниз по подбородку.

Как же это было прекрасно! Почувствовать это вновь. Старик ощутил, как по его телу растекается волна удовлетворения, затем, как его тело сотрясает мелкая дрожь, как невидимые глазу иголки втыкаются в кончики его пальцев. Волнение в груди усилилось. На лбу проступили капельки пота.

Старик побежал взглядом по телу девушки. Оно было великолепно, но так же ли великолепно было то, что скрывалось внутри него? Реакция девушки на его прикосновение обнадеживала. Старик подавил силой воли прокрававшееся в его сознание маленькой ящерицей желание коснуться обнаженной полоски тела девушки, возникшей между краями футболки девушки и лосинами. Он должен остановиться. Он уже получил свое. Да и воспоминание о внутреннем мире любимой Мерел все еще было сильным. Нет. С внутренним миром его несравненной Мерел не сравнится ни один другой внутренний мир женщины. Для него это была истина, не подкрепленная ничем, кроме силы собственной веры. После знакомства с Мерел у него не было других женщин. Не было и никогда уже не будет. Поэтому проверить истинность собственной веры он уже не мог, да и не хотел.

Йорис убрал ладонь с тела Мелани и улыбнулся ей ободряющей улыбкой. Но та не обратила внимания на его улыбку, приковав взгляд своих прекрасных глаз к глазам старика. Не без некоторого сожаления Йорис рассмотрел во взгляде девушки нотки обиды и разочарования.

Старик развернулся и направился на свое место.

– Я хочу, чтобы ты научился подавлять свои инстинкты, мой друг. Говорить им «нет». Они не дают тебе возможности увидеть то, что вижу я. Не дают почувствовать то, что чувствую я. Наслаждение, которое невозможно получить никоим иным способом. Наслаждение, не иначе как ниспосланное богами, ибо испытать его дано не всем. Это...

– Снова треп! – донеслось с кровати. – К черту! Мне нет дела до того, что чувствуете вы. Я знаю, что чувствую в эту минуту я. А я чувствую огромное желание трахнуть эту сучку.

Кровать скрипнула. Старик бросил взгляд на кровать и увидел, как Эрик схватил Мелани за лодыжки и повернул лицом к себе. Накрыл ее тело своим. Тишину комнаты оглушил вскрик Эрика, когда колено девушки ударило его в пах. Эрик пискнул, выругался, схватился за промежность и откатился в сторону.

– Еще раз сотворишь что-нибудь подобное, и я оторву тебе член собственными руками, – Мелани приподнялась и оперлась спиной о спинку кровати. Ее реакции на произошедшее можно было только позавидовать. В словах девушки не было агрессии. Как и не было огня

негодования в ее красивых глазах. Только твердая уверенность выполнить задуманное, если представится такая возможность.

– Trut⁹, – Эрик бросил на девушку ненавидящий взгляд, свесил ноги с кровати и, не отнимая рук от промежности, уткнулся взглядом в пол.

– Перестань вести себя как уязвленный самец, – на лицо старика вернулась привычная для него, улыбка. Йорис опустил на стул. – Я понимаю, это трудно, но если ты принял решение овладеть Искусством, тогда доверься мне и делай то, что я тебе говорю. Я не прошу от тебя невозможного. Поверь, это правда, ибо я прошел этот путь, а если я прошел, то и ты сможешь это сделать. Терпение и доверие к моим словам. Большого от тебя не требуется.

– Это трудно, – буркнул Эрик, скосив взгляд на старика.

– Трудно, но никто и не говорил, что будет легко. Усмирить инстинкт – все равно что родить себя заново. Он словно «вшит» в нас, пронзает все наше нутро и управляет нами, как суровый правитель своим народом. Но этого правителя все же можно свергнуть, и я тому подтверждение.

– Слова, слова и снова слова. Вы можете говорить мне все что угодно, преследуя свои цели, но есть ли хоть частичка правды в ваших словах, этого я проверить все равно никак не смогу.

– Не сможешь, если не поверишь... Хорошо. Быть может, ты и прав. Слова ничего не значат без действий, – старик поднялся и снова направился к кровати, на которой, отодвинувшись друг от друга, сидели Эрик и Мелани.

– Я уже видел, – Эрик поднялся на ноги, прошелся по комнате, то и дело поглядывая на пах. – Когда вы касались Мелани. Я обратил внимание на ее реакцию. Сначала я подумал, что вы заранее сговорились, но... – Эрик посмотрел на Мелани, – ...но я не думаю, дорогая, что ты такая уж хорошая актриса.

– Я не собираюсь тебя в этом разубеждать, – отозвалась девушка. – Я проститутка, а не актриса. Но я на самом деле не играла, когда... – девушка запнулась, вернувшись мыслями в недавнее прошлое, – ...когда Йорис коснулся меня. Это было что-то... что-то особенное, – девушка поджала ноги, обхватила их руками. – Меня так не касался ни один мужчина до этого, а у меня их было... Неважно... Странное ощущение. Блаженство, нега, вперемешку с желанием почувствовать это снова и снова. Йорис, я хотела бы почувствовать это опять.

Губы старика растянулись в улыбке.

– Быть может, милая, как-нибудь в другой раз.

– Жалко, – вздохнула Мелани.

– Ну, я тебя тоже могу коснуться, – осклабился Эрик, присаживаясь на край кровати.

– Ты? – в голосе девушки зазвучали нотки сомнения. – Как вы говорили, Йорис? Самец? Вот именно. Ты только то и можешь, что сунуть член мне между ног и пыхтеть над ухом.

– Это также надо уметь.

– Так, как умеешь ты, умеют все, – отрезала Мелани, сверкнув глазами в сторону Эрика.

– Сучка, – буркнул тот в ответ, отвернулся от девушки и посмотрел на старика. – Хорошо, Йорис. На чем мы закончили? Посмотрим, что она скажет, – Эрик мотнул головой в сторону Мелани, – когда я овладею вашим Искусством.

– Нет, мой друг. На сегодня достаточно. Замечу лишь, прежде чем ты овладеешь Искусством, тебе необходимо овладеть собой. А для этого прояви для начала хоть грамм уважения к этой милой девушке и перестань оскорблять ее... Отношение к женщине – в основе Искусства, поэтому, если ты все же намерен овладеть им, начни менять свое отношение к женщинам... Пойдем, прогуляемся по набережной, если у тебя нет никаких других планов. Хочу подышать свежим воздухом. Я не против вдыхать аромат иланг-иланга, но не в таких количествах.

---

⁹ Сука (гол.)

– Идемте, – кивнул Эрик, вставая с кровати. – Заодно поедем где-нибудь. Я проголодался.

– Я могу ее коснуться? – спросил два дня спустя Эрик, когда они вновь пришли к Мелани.

Взгляд юноши подвыпившим мужчиной блуждал по обнаженному телу девушки, хватаясь то за аппетитные формы ягодиц, то за упругую грудь, то за створки влажных губ. Девушка лежала на животе, подложив под голову руки и посматривая любопытным взглядом то на старика, как обычно ютившегося на стуле у балконной двери, то на Эрика, сидевшего рядом на кровати.

– Пока что нет, – ответил Йорис, наблюдая за парочкой. – Доставь удовольствие глазам. Разве тебе не нравится нагота тела Мелани?

– Лучше бы я доставил удовольствие своему малышу, – рука Эрика сдвинула пенис под джинсами. – Вы издеваетесь. Точно издеваетесь. Какой нормальный мужчина будет сидеть спокойно, когда рядом красивая обнаженная женщина?

– Но я же сижу спокойно.

– Вы себе льстите, Йорис. Вы явно относитесь к разряду ненормальных.

Йорис оставил реплику Эрика без ответа. Только улыбнулся.

– Посиди спокойно, а лучше ляг рядом с Мелани и понаблюдай за изгибами ее тела. Разве они не очаровательны? – старик поднялся со стула и направился к кровати, рука замерла над телом девушки. От внимания старика не утаилась предвкушающая улыбка, появившаяся на лице девушки. Но старик не стал касаться тела Мелани, повел рукой над ним, перебирая в воздухе пальцами.

– Как можно не испытывать восхищения, глядя на такую красоту? Природа создала женщину явно не только для того, чтобы мужчина мог ею пользоваться, когда захочет. Нежность женской кожи изумительна, а чувствительность – волшебна. Разве задумка матушки-природы состояла не в том, чтобы наделив тело женщины высокой чувствительностью, дать возможность мужчине увидеть чувственность и красоту ее внутреннего мира? Мы, мужчины, часто рассматриваем тело женщины как то, что позволяет нам получить собственное удовольствие, иногда – как то, что позволяет доставить удовольствие ей. Но если копнуть глубже, то женское тело – это еще и двери, открыв которые можно увидеть мир, лицезрение которого само по себе способно доставить тебе ни с чем несравнимое удовольствие. И этот мир так прекрасен, что, увидев его однажды, ты захочешь видеть его снова и снова. Ты становишься его пленником. Но эта участь не обременительна. Наоборот, она приносит тебе невероятное удовлетворение, а еще осознание того, что женщина в твоих объятиях благодаря тебе испытывает райское блаженство.

– Это кажется невероятным, – возникшую, было, после слов старика тишину нарушил тихий голос Мелани. – Мне кажется, я знаю, о чем вы говорите, Йорис. И в то же время, смысл сказанного вами мне не понятен.

– Надо же, – вмешался Эрик. – Сама женщина не знает, о чем вы говорите, Йорис. Может, ваше Искусство – иллюзия, что-то, что вы выдумали и теперь пытаетесь навязать мне?

– Кто его знает? Не поверишь – не узнаешь, мой друг. Для меня Искусство такая же реальность, как музыка или живопись. Но для тебя, как и для Мелани, Искусство – не более чем слова, иллюзия. Но повторю. Кто знает? Однажды эта иллюзия и для вас может стать былью... Очаровательно. Просто очаровательно, – пробормотал старик, рисуя ладонью над телом Мелани в воздухе невидимые петли.

– Как только вы можете оставаться спокойным, глядя на обнаженную женщину? Неужели вы не испытываете желание эээ... ну, вы знаете какое желание? Возраст?

– Искусство, мой друг. И в моем возрасте мужчины способны испытывать эрекцию, как бы это ни звучало странно и неправдоподобно. Тело дряхлое. Это правда. Но... – Йорис посту-

чал себя костяшками пальцев по голове, – ...но все здесь. И мощь, и немощность. И знание, и невежество... Искусство позволяет мне стремиться к большему, а не ограничиваться только тем, что видят мои глаза. Когда я смотрю на Мелани, мне, как и любому мужчине, интересно ее тело, ведь оно такое очаровательное, но в отличие от обычных мужчин мне не менее интересно и то, что находится внутри него. Я смотрю на тело женщины не как на инструмент для удовлетворения собственной похоти, а как на мост, ведущий меня туда, где я хочу оказаться больше всего... Или хотел всегда оказаться, – грустная улыбка изогнула губы старика, когда он коснулся мыслями прошлого.

– Все равно ничего не понятно, – пробормотал Эрик и посмотрел на Мелани, пробежался взглядом по ее телу, замер на ягодицах.

– Тебе не надо это понимать, мой друг. Тебе надо это только почувствовать. Довериться чувствам, ибо они – единственное, что может тебе рассказать правду об этом мире... Я не должен этого делать, – пробормотал старик, касаясь безмянным пальцем кожи на спине Мелани. – И все же я хочу это сделать, – палец старика заскользил по спине Мелани, через миг к нему присоединился еще один и еще, пока вся ладонь не отправилась в путешествие по спине девушки. Дыхание старика участилось, с виска скатилась капелька пота, упала на рубашку и умерла, даже памяти о себе не оставив.

Тишину комнаты вспугнул тихий стон девушки. Мелани выгнула спину и вытянула руки перед собой. Под прикрытыми веками двигались глазные яблоки. Зубы покусывали губы. Ноздри трепетали, точно паруса на ветру. Тело подрагивало.

– Мне так никогда не было хорошо, – прошептала девушка, не открывая глаз.

– Это что-то необычное, невероятное и ужасно приятное... Не могу найти слов, чтобы описать это ощущение... Внутри все трепещет, словно танцует... Томление, желание, страсть, – все смешалось внутри во что-то, чему трудно подобрать слово... Может, такого слова и не существует... У меня такое ощущение, будто моя кожа возбудилась... Но так не бывает... Или бывает?.. Каждая клеточка волнуется, и это волнение такое приятное... – тихий вздох Мелани всколыхнул воздух в комнате. – Боюсь открыть глаза, чтобы это... чтобы это чувство не исчезло, – за вздохом последовал стон, взмыл к потолку, ударился о люстру и растворился в наступившей тишине, только тихий женский всхлип время от времени продолжал тревожить тишину комнаты.

На губах Йориса засияла блаженная улыбка. Его веки отяжелели, налились свинцом. Так хотелось закрыть глаза и отдаться во власть нахлынувшим чувствам. Чувствовать это снова и снова. Пока жизнь все еще теплится внутри его брэнного тела. Он чувствовал, как трепещет под его рукой тело девушки, как волнуется, отзываясь на его касание, и от этого приходил в неописуемый восторг. Слышал ее тихие постанывания и жалел, что не может дать ей больше. Только касание. Только желание. Только воспоминание.

Йорис открыл глаза, с неким сожалением убрал руку с тела Мелани и отступил на два шага от кровати, словно боялся вновь коснуться девушки. Разве что взглядом. Как сейчас. Ничто не смогло укрыться от его взгляда – ни белизна ее кожи, ни изгибы ее тела, ни капельки пота, проступившие на спине и теперь сверкавшие янтарями в мягком полумраке комнаты.

– Классно, – тишину комнаты нарушил голос Эрика. – Вы что, одним касанием можете довести женщину до оргазма?

– Не знаю, – пожал плечами старик. – Никогда не пробовал. Но думаю, это возможно. Многое зависит от твоего отношения к женщине, от ее чувствительности.

Йорис заметил, как Эрик положил руку на спину Мелани и провел по коже.

– Тебе нравится? – спросил он у девушки.

– Что? – веки Мелани дрогнули, из груди вырвался приглушенный вздох. Растерянность с нотками сожаления застыла во взгляде.

– Спрашиваю, нравится ли, как я тебя касаюсь?

– Как мазня аматора фанату Ван Гога. Ты что, проверяешь мою кожу на прочность? – девушка недовольно взглянула на Эрика, закрыла глаза, желая поскорее отдаться во власть воспоминаниям. – Боюсь, после твоих, так называемых касаний, у меня на коже останутся синяки. Иди лучше потренируйся на ком-то другом. Найди кого-нибудь менее восприимчивого к твоему... ммм... массажу.

– Я же говорил, сучка, – Эрик сунул руки в карманы джинс и отвернулся от девушки, посмотрел на старика.

– Касанию учись у ветра, нежности – у морской волны, а восприятию женщины – у своего сердца. Твое восприятие женщины – вот, что тебе мешает и не дает возможности увидеть больше, чем ты видишь. Ты видишь любую женщину, которую встречаешь в личной жизни, в первую очередь как полового партнера. Этого от тебя требуют инстинкты, поэтому внешность для тебя играет первостепенную важность. Когда тебе нравится женщина внешне, ты начинаешь испытывать сексуальное влечение к ней. И это понятно, мы больше всего хотим то, что нас привлекает. Внешняя привлекательность Мелани тебя отвлекает, заставляет сосредоточиться на себе, тем самым будоража твоё сексуальное желание. Поэтому тебе стоит попытаться забыть о красоте Мелани и устремить взор своих голубых глаз внутрь нее. Только так ты сможешь увидеть больше, чем видишь... Мелани, позволь ему коснуться тебя снова.

Девушка ни словом не отреагировала на просьбу старика, только открыла один глаз, взглянула на Эрика и вновь его закрыла.

Йорис посмотрел на Эрика и кивнул на обнаженную девушку рядом.

– Давай. Чего ты медлишь? Разве тело Мелани не достойно большего, чем быть использованным в услужение тебе?

– Я не понимаю, чего вы от меня хотите. Что я должен с ним делать? Гладить, пока рука не отвалится?

– Нет. Ты должен его почувствовать. Почувствовать жизнь внутри него, красоту, и найти там для себя счастье.

– А секс? Я должен о нем забыть?

– Ни в коем случае, – улыбнулся старик. – Искусство – не каторга. Искусство – наслаждение.

– Правда? Что-то оно мне не кажется таким уж большим наслаждением.

– Это потому, что ты о нем ничего еще не знаешь... Секс важен в Искусстве, так как с помощью него ты можешь достичь самых потаенных глубин женской души. Всему свое время. Помни об этом, мой друг. А сейчас, тебе же нравится тело Мелани? Коснись его. Ощути его очарование и глубину, загадочность того, что скрывается внутри него. Почувствуй в женщине нечто большее, чем просто самку, живущую инстинктами... Давай! Смелее!

Эрик повернул голову к Мелани, пробежался взглядом по ее спине, ягодицам, ногам, забросил ноги на кровать и лег рядом. Подложив руку под голову, Эрик принялся гулять взглядом по телу девушки.

– Что ты чувствуешь, когда смотришь на тело Мелани? – донесся до него голос Йориса.

– Я уже говорил, желание переспать с ней.

– Неудивительно. Ты только и делаешь, что пялишься на ее ягодицы.

– А на что же мне еще смотреть? На ноги? Мне больше нравится смотреть на ягодицы, ну, или грудь, – Эрик ухмыльнулся.

– Отвлекись от ягодиц Мелани. Шея, руки, спина, ноги. У нее достаточно и других частей тела, на которые приятно смотреть. Разве тебе так не кажется?

– Шея, руки, спина и ноги есть и у меня самого, а вот таких ягодиц нет, – прыснул Эрик, размахнулся и шлепнул ладонью по ягодицам Мелани.

– Ай! – вскрикнула девушка, открыла глаза и бросила недовольный взгляд на Эрика.

– Ты неисправим, – улыбнулся Йорис. – Хорошо. Поступим иначе.

Старик вышел из комнаты. Через мгновение он вернулся, держа в руках большое банное полотенце белого цвета, приблизился к кровати и прикрыл им ягодицы Мелани.

– Так лучше, правда?

– Неправда, – хмыкнул Эрик. – Смотреть на голую красивую попку мне нравится больше, чем на полотенце на ней.

– Согласен, но не в этом случае. Нас влечет к желаемому меньше, когда мы не видим его. Ты видишь очертания ягодиц Мелани под полотенцем, но не видишь самих ягодиц. Надеюсь, это поможет нам отвлечь тебя от них.

– Как бы ни так, – осклабился Эрик, вцепившись глазом за ягодицы девушки, скрытые полотенцем. – Теперь у меня появилось желание заглянуть под него.

– Но пока что мы не будем этого делать. Отвлекись, а лучше закрой на минуту глаза. Расслабься. Подумай, ну хотя бы о женевере.

– С удовольствием, – сказал Эрик, лег на спину, закрыл глаза и подложил ладони под голову.

Старик смотрел на него и улыбался. Все же научить Эрика Искусству будет непросто. Но ничего. Им с Эриком некуда спешить. Разве что небольшое накопление на его банковском счету может закончиться быстрее, чем они откажутся от услуг Мелани. Но о деньгах старик не переживал – пока у него есть пенсия, что о них думать.

– Что ты чувствуешь сейчас? – Йорис опустил на край дивана.

– Ничего, – отозвался Эрик.

– Тебя по-прежнему влечет к Мелани?

– Не очень. Как вы говорили? «Нас влечет к желаемому меньше, когда мы не видим его». Похоже, это работает.

– Конечно, работает. Как говорят? Мужчина любит глазами, женщина – ушами... Кстати, мне пришла в голову интересная идея. Полежи пока, а я сейчас вернусь... Мелани, ты еще не заснула?

– Нет, Йорис, – девушка открыла глаза и смахнула рукой упавшую на глаза челку. – Слушаю вас с Эриком и думаю, чем все это закончится. Имею в виду ваше обучение Эрика Искусству. Я мало что понимаю в этом, но истина в ваших словах есть. Чувствую, что вы правы, а еще, уверена, что если бы все мужчины относились к женщинам как вы, в мире было бы намного меньше несчастных женщин.

– К сожалению, милая, все мужчины не могут быть такими, как я, по крайней мере, до тех пор, пока ими управляют...

– Инстинкты, – девушка улыбнулась. – Даже я уже это запомнила. Напоминание о нашей животной сущности. Хотя, знаете, Йорис, многие могли бы с вами поспорить по этому поводу, особенно верующие люди.

– Могли бы, – кивнул старик. – Но истина только одна.

– И она, конечно же, ваша, – вмешался Эрик.

– Ни в коем случае. Не я ее придумал. И даже не я ее заметил. Я только использовал ее в своих целях.

Эрик хмыкнул, но ничего не сказал. Йорис же поспешил вновь покинуть комнату, а когда вернулся, в руках его находился рулон марлевого бинта, с которым он направился к кровати.

– Вижу, твои мысли потекли в противоположном от Мелани направлении, мой друг, – сказал старик, нависнув над Эриком, точно скала над пропастью.

– С чего вы это взяли?

– Чтобы это понять, достаточно посмотреть на твой пенис. Сейчас он спокоен, а не пытается порвать твои джинсы, как немногим ранее.

– Да неужели? – Мелани приподняла голову, вытянула руку и накрыла ладонью промежность Эрика. – Ой, действительно уснул.

Смех девушки заполнил помещение, застучал по окнам и вылетел на улицу сквозь приоткрытую балконную дверь.

Улыбка растянула губы Эрика. В ту же минуту он открыл глаза и накрыл ладонью ладонь Мелани, жмущуюся к его пенису через ткань джинсов.

– Мне нравится твоя активность, крошка. Продолжай. Только не спеши и будь нежной.

– Размечтался, – девушка вырвала руку из руки Эрика и вернула под голову, после чего устроилась удобнее и закрыла глаза.

– Ничего, я до тебя еще доберусь, – Эрик закинул ногу на ногу и посмотрел на старика, молчаливой статуей возвышавшегося над ним. – Йорис, вы что задумали? Сделать из меня мумию?

– Нет, – старик оторвал кусок бинта, остальное бросил на пол. – Решил сделать тебе повязку для глаз.

– Это еще зачем?

– Сейчас увидишь. Приподнимись немного.

Старик намотал бинт Эрику на глаза, концы связал бантом.

– Ты видишь меня?

– Нет. Я вообще ничего не вижу. У меня перед глазами темнота, будто кто свет выключил. Что вы задумали, Йорис?

– Ничего плохого. Ты же помнишь? Мужчина любит глазами. Теперь твои глаза ничего не видят, поэтому тебе придется учиться видеть чем-то другим.

– Вы, что, серьезно?

– Конечно.

– И сколько мне ходить с этой повязкой?

– Сейчас тебе не надо никуда идти. Пока просто лежи, расслабься. Я хочу, мой друг, чтобы ты научился больше доверять своим чувствам.

– Думаете, эта чертовщина у меня на глазах поможет?

– Посмотрим... Придвинься ближе к Мелани, но пока что не касайся ее. Я буду направлять тебя... Еще немного. Вот так. Этого достаточно... Теперь просто лежи рядом с ней. Почувствуй ее. Прислушайся к ее дыханию. Сейчас Мелани тебя не возбуждает?

– Сейчас меня даже красotka с обложки плейбоя не возбудит, – хмыкнул Эрик. – Я себя чувствую... эээ... как-то неудобно. Как будто оказался один в лесу, а рядом волки воют. Черт! Ощущение не из приятных.

– Потерпи немного. Все это твой мозг. Он растерян, так как большую часть информации из окружающего мира он получает через глаза. Но сейчас твои глаза не могут дать ему никакой информации, поэтому и паникует... Ничего. Все хорошо. Дай ему немного времени привыкнуть. Просто лежи и ни о чем не думай. Только слушай, слушай дыхание Мелани и попробуй ее почувствовать. Вот она лежит рядом. На расстоянии каких-то десяти сантиметров от тебя. Нежная роза, требующая заботливых рук умелого садовника.

– Я ни черта не чувствую, – пробормотал Эрик. – Знаю, что она рядом и все. Вы хотите от меня непосильного, Йорис.

– Ну, это вряд ли. Непосильное для нас только то, что мы сами для себя таким определили. Не замыкайся на том, чтобы только видеть. Глазами многого не увидишь. Учись «смотреть» чувствами, внутренним взором, только так ты сможешь увидеть то, что сокрыто от наших глаз... Положи ладонь на спину Мелани. Нет. Это ее нога. Поднимись выше. Вот так. Очень хорошо... Не двигай ею. Почувствуй тепло тела Мелани. Нежность ее кожи. Разве она не восхитительна? Проведи ладонью по ее спине. Не дави. Помнишь, я говорил? Учись касанию у ветра. Вспомни касание ветра, а лучше маленького теплого ветерка. Ветер – прекрасный любовник. Он способен доставить удовольствие одним лишь касанием. Это вершина мастерства, но ее

можно покорить. Время на твоей стороне. Осталось дело за малым, за твоим желанием покорить эту вершину.

– Но я не хочу доставлять удовольствие женщинам всего лишь касаясь их. Так недолго и импотентом стать.

– Хотя бы на минуту забудь о своем пенисе. Ты должен перебороть в себе желание хвататься за него при первом же удобном случае. Не пенис ведет тебя к наслаждению, а женщина, которая перед тобой. Пенис – только орудие, и, поверь мне, не главное в сексе. Второстепенное орудие, но в силу довлеющих над нами инстинктов мы придаем ему слишком большую роль.

– Что-то мне не нравится ход ваших мыслей, Йорис. Еще немного и вы скажете, что евнухом быть лучше, чем полноценным мужчиной.

– Нет. Полноценным мужчиной всегда быть лучше, но полноценным мужчиной, а не неполноценным самцом... Скажи мне, что ты чувствуешь? Сосредоточься на Мелани, на ее теле. Опиши мне ее кожу. Какая она?

– Приятная на ощупь.

– Уже что-то. Проведи по ее спине ладонью. Не бойся, она не растает от твоего прикосновения.

– Я не боюсь, – ладонь Эрика скользнула по спине девушки. Та лежала, не двигаясь, точно спала. Но девушка не спала. Глаза ее были открыты, взгляд обращен на лицо Эрика.

– Говори все, что ты чувствуешь, – попросил Йорис Эрика. – Не молчи.

– Я не знаю, что говорить. Кожа у Мелани приятная на ощупь, нежная. Гладкая, как... Не знаю. В общем, гладкая. Мне нравится.

– Хорошо. Только не спеши ты так, – сказал старик, заметив резкое движение ладони Эрика по спине Мелани. – Медленно. Скорость не даст тебе почувствовать то, что следует почувствовать. Никогда не будь спринтером, когда остаешься наедине с женщиной. Желание как можно скорее заняться с ней сексом будет заставлять тебя спешить, но ты не должен идти у него на поводу. Сначала тебе будет тяжело с ним справляться, но по мере овладения Искусством тебя оно будет беспокоить все меньше и меньше... Тебе нравится касаться Мелани?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.